
БАРТ ГРИН
ПОТЕРЯННЫЕ ЗЕМЛИ:
ЦАРСТВО БЕЗ КОРОНЫ
ТОМ 1
18+

Барт Грин

Потерянные земли: Царство без короны

https://litres.ru/74910443
SelfPub; 2026

Аннотация

Потерянные земли пусты и холодны. Летописец идёт по их праху, составляя опись руин и причин. Но чем дальше он отступает в прошлое, тем яснее становится: гибель мира — не событие, а медленный, осознанный выбор. Голод, интриги, тёмные сделки и шёпот из подземелий Твердыни связали судьбы царей, колдунов, разбойников и тех, кто пал не от клинка, а от тяжести принятых решений. Эта история рассказана вспять, чтобы вернуться к началу — к тому роковому выбору, который породил распад.

Содержание

Предисловие 5
Очерки Фалдека 7
Вступление 7
Легенды Моруна 13
Последняя молитва 14
Торген 21
Сив Снежный 23
Медвежий острог 27
Сон 29
Записка узника 30
Дневник коменданта тюрьмы 32
Рок Тарара 37
Воин-скальд Йор 47
Судьба Тарара 47
Легенда о Йоре 52
Твердыня 55
Крестьянский пруд 59
Отказ от внутренней войны 62
Ищейки 63
Городские стоки 65
Знаток 66
Царский дворец 68
Кричащий бард 70

Двор костей 70
Эпитафия царю 82
Записки Анселя 85
Об отдаче 86
Весна 87
Дети 88
О весе короны 89
Птицы 90
Моему сыну 91
О страхе 92
Память 93
Миралей Книжник 94
Остров-крепость 95
Гнилостная река 102
Ната-собака 104
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Потерянные земли: Царство без короны

Предисловие

«Когда Морун утратил связь с благодатью, никто не был готов это принять и признать. А уж тем более, никто не был готов действовать».

Фалдек, трактат «Морун».

Принято считать, что история — это река, что течёт из прошлого в будущее, неумолимо и прямо. Летописцы следуют за её течением, отмечая на своих свитках пороги войн и тихие заводи мирных лет. Они начинают с истока и ведут свой рассказ к устью, к тому, что зовётся «настоящим». Но что делать, если река высохла?

Мир, на страницы которого вы вступаете, давно остыл. Его настоящее — это пыль на руинах, молчание в пустых тронных залах и горький привкус ржавчины в заброшенных острогах. Это мир Великого Упадка, долгой, тягучей болезни, чьи симптомы зияют повсюду, но чей источник затерялся во тьме времён. Спрашивать у нынешних обитателей этих земель о причинах бедствия — всё равно что спрашивать у пожелтевшего листа, почему сгнило всё древо. Он не помнит

корня.

Посему и хроника эта пойдёт иным путём. Мы не станем следовать за угасшим временем вперёд, ибо впереди лишь тлен и эхо. Вместо этого мы повернём вспять. Мы начнём с конца, с того самого пепла, что покрывает Потерянные земли, и с каждым шагом, с каждой новой главой будем спускаться всё глубже в прошлое. Словно рудокоп, который ищет жилу драгоценного металла, мы будем пробиваться через пласты лет и десятилетий, откапывая забытые имена, замолчавшие страсти и роковые решения. Раскопки начнём с текущего времени, следом отойдём на пару лет назад, затем — ещё на пару лет, а после — на целых сорок лет назад, а уж после этого — на целые две сотни лет.

Зачем нам знать и понимать корни катастрофы? Условия постоянно меняются, времена меняются. — скажет наблюдательный читатель. Что ж, мы посмотрим. И мы проверим это.

Не ищите здесь героев, ведь время Героев утонуло в веках. Не ждите ясных побед, ибо это повесть о поражении. Это не цельный гобелен, но ворох обрывков, и лишь собрав их воедино, можно различить узор великой трагедии.

Итак, отложите привычные карты и путеводители: наше странствие ведёт не к финалу, но к началу. Ибо в мире, что лишился будущего, единственная правда сокрыта в истоках его конца.

Очерки Фалдека

Вступление

Приветствую тебя, дорогой читатель, пусть горит свеча твоя вечно! Я — Фалдек, и ниже представлены очерки и путевые заметки из моих странствий по так называемым Потерянным землям — огромной территории на западе материка, где когда-то стояли великие царства-цитадели. Раскинулась эта территория от древних Чёрных Гор на восточных рубежах вплоть до берегов опасного штормового Западного Океана. Ни один из ныне живущих не переплывал его. Земли эти несколько столетий назад постиг рок. Царства одно за другим приходили в упадок и исчезали в безвременье. Нас с тобой, любопытствующий читатель, отделяет от того периода Срединное Время, а та гибельная пора зовётся временем Великого Упадка. В этом своём труде я не планирую глубоко погружаться в подробное изложение истории становления и развития государственности в этих землях, ибо не владею таким количеством времени, чтобы кропотливо сводить воедино все хроники, летописи и прочие архивы, которые, между прочим, есть у меня на руках.

И заранее, дорогой читатель, прошу простить меня за болтливый тон повествования. Ведь я всё время в дороге.

Приходится обходиться заметками «на коленке» в периоды привалов… Мне предстоит долгий путь, во время которого я буду делиться с тобой теми сведениями, которые мне известны, и тем, что удастся раскопать. Царства канули в лету, но у нас есть песни и сказания бардов Срединного Времени, у нас есть хроники, у нас есть архивы. И у тебя есть я, Фалдек — путешественник, хроник, собиратель народного фольклора и мечтатель. Прошу извинить также и за излишнюю чувствительность, но боюсь, читатель, ты иначе не поверишь в тот мотив, который заставил меня пересечь Чёрные Горы. Зачем я здесь, в колыбели упадка и разложения, которая распространяет своё тлетворное влияние на весь мир и по сей день, и на которую не ступит нога простого путника? Отвечу… Я здесь из-за стиха. Да, я здесь из-за стиха неизвестного автора. Он попал мне в руки совершенно случайно, на рынке в порту Нимеи.

Как-то, по своему обыкновению, я пересекал море очередной раз ради книг и свитков… Где ещё я мог найти столько ценнейших рукописей, как не в Нимее? На портовом базаре порой можно обнаружить даже более интересные вещи, нежели в официальных городских архивах и библиотеках, к тому же экземпляры можно забрать с собой, что немаловажно для меня. Так вот, приобрёл я труды Миралея Книжника и устроился провести ночь в местной таверне. Время подходило к ночи, и я, уставший и измождённый от долгого плавания, хотел лишь немного воодушевиться от источника зна-

ния. Открыл трактат и начал листать, наслаждаясь сказочным почерком мастера, и вот, к моему превеликому удивлению, мне под ноги падает невзрачный листок… Я немедленно взял его в руки и подробнейшим образом изучил… Не могу описать тебе, о читатель, что я почувствовал в тот момент. И, пожалуй, нет времени говорить об этом более. Приведу здесь этот стих и постараюсь объясниться в пути…

Под сводами мира,
За пределами плоскости
Лежала долина чёрная
Бежала река по ней быстрая,
А за рекою той чаща сокрытая,
Вековыми дубами
И чёрными травами
Покрытая.
А в чаще той кладбище древнее,
Телами забитое.
Старее деревьев здесь.
И быта людского следы уж пропали давно.
Знаки могильные,
Деревья, обвившие
Надгробия каменные
И мрачное зарево
На горизонте чернеет,
А утром алеет.

Багровый туман опускается
И как бы касается
Душ мёртвых, что бродят в лесу по земле
Бесплотно ступая по мху и надгробьям.
Тех душ, что погибли в той быстрой реке,
Тех душ, кого взял в свои руки болотистый омут.
Ни славы найти здесь, ни титул, ни власти,
Жену не сыскать себе, клад не найти.
А можно здесь только пропасть навсегда, ведь
Заходят в тупик в этой чаще пути.
Здесь каждый найдет смерть, и сильный и слабый,
И храбрый найдет здесь смерть, и хитрец.
Здесь каждый получит одну лишь награду,
Здесь каждого ждет сей бесславный конец.
Зачем же идут туда люди? — не знаю.
Хочу их понять, в то же время — боюсь,
Мне как-то сказал путешественник-старец:
«Не сможешь нести сей тяжёлый ты груз.
Ты молод и весел,
Не знаешь ты песен,
Что странников к чёрным дорогам ведут.
Не знаешь ты сил, что их ввысь поднимают.
Не знаешь ты сил, что их к смерти зовут.
Не знаешь - не нужно,
Оставь нам то чувство,
Что путь освещает нам за пределы всех плоскостей

Останься в земле ты
И пустишь здесь корни
Женись, народи здоровых детей!»
В ночи он явился, в ночи он исчез.
Клубок мрачных мыслей,
В уме зазмеился,
Своими отростками в душу залез.
Представил я омут, спокойный и мутный,
Представил я реку, и чащу за ней
Слова старца в голове словно прутья,
Что достают из кузнечных печей.
Я знаю, что ждёт меня за долиной,
Там смерть, там бесславие, там пустота
Но знаю и, коль останусь в земле я
Постигнет и здесь меня та же беда.
Спокойная старость, крестьянское братство,
Льняное хозяйство, дочь и жена.
Так может пусть звёзды окутают россыпью,
Прольется по венам шальная река?
Пусть путь мой не будет таким же,
Что выбрал отец мой, мой дед и мой брат
Пусть и жену свою я не увижу.
Прости и прощай, родная земля!

И где же та самая заветная чаща? И о какой реке идёт речь? Иногда человек начинает слышать зов изнутри, и он

ничего не может с этим поделать. Он становится обязан бросить все свои дела и отправиться в путь. Не он выбирает, когда ему начать, но и не может он окончить путь по своей воле. Я перечитал стих трижды. В нём было слишком много материи для одного лишь песенного стиха. Быстрая река — не стоячая гниль и не широкая вода, а стремнина, что режет камень. А зарево, что утром алеет — рассвет виден сквозь туман. Есть о чём поразмыслить с картой на руках. В общем, с тех пор я ношу этот листок не в суме, а при груди, будто он — не стих, а ключ. Мой же путь начинается с корабля, который уже ведёт меня к Стылому мысу, где я пересеку Чёрные Горы, а далее вдоль береговой линии до Торгена, затем на юг в Сьорн. После — Твердыня, хоть и с большой неохотой. Но не могу я оказаться на территории бывшего царства Морун и не заехать по пути в его столицу. Да помогут мне боги. А дальше, вдоль Гнилостной реки, я спущусь в долину Варгоши на юг до Лордеска, одного из последних населённых пунктов Потерянных земель, где по какой-то случайности или злой шутке истории до сих пор теплится жизнь. Там я попробую разузнать у местных жителей побольше о таинственном стихе, а дальше и не загадываю.

Да осветится путь мой в ночи и не оставит меня дух жизни.

Легенды Моруна

Я не случайно хочу начать с легенд и сказаний. Ибо нет ничего, что могло бы лучше приоткрыть завесу веков, нежели переданные с огромным трепетом из уст в уста песни, сказки, баллады… Именно в народных историях подмечаются основные ключевые точки, на которые вдумчивый искатель обязательно должен обратить внимание. И я, пожалуй, начну с конца…

Последняя молитва

Когда старый и глупый царь умер, не было никого, кто захотел надеть на себя корону. Так пришло в упадок могущественное Северное царство, что в Потерянных землях, как они зовутся ныне. Это было последнее из Великих государств, хранившее свои традиции с древнейших времён. О бытности жителей государства, о жестоких порядках, о тамошних царях я пишу в своём труде «Морун». В данном же очерке я хочу поведать любопытному читателю о последних днях этой пустой, тусклой и покинутой всеми богами земли и об истории, которая через века переросла в легенду. Но всё же я вынужден производить некоторые заметки по ходу повествования, чтобы уважаемый читатель смог в должной степени глубины понять суть моего рассказа.

Последние годы Моруна были омрачены угасанием духа. Обитатели этих земель потеряли всякие вкусы к жизни. И без того маленькие радости, которыми удовлетворялись они в своей повседневности, утратили даже малую толику блеска. Жители попросту бросали все свои занятия и уходили в вечность. Мельники заколачивали свои мельницы, оставляя зерно гнить. Магистры знаний сжигали свои рукописи. Бывало и такое, что матери бросали своих годовалых детей дома и уходили в Ледяные пустоши встречать свой последний рассвет. Настоящая духовная катастрофа. Стоит отметить,

что немногие относились к этому серьёзно. Большинство же относилось к ситуации брезгливо, словно смиряясь с неизбежностью: «Умрём и умрём», «Умри ты сегодня, а я умру завтра». (Источники: трактат «Морун».)

И вот, среди этой чёрной массы собралась группа людей, в ком ещё теплилась хоть какая-то небольшая тяга к существованию. Они устроили совет в городе Торген, что на крайнем севере, у Крайнего моря и Большой Ледяной пустоши за ним. По итогам собора они пришли к тому, что боги позабыли о них, и им нужно отправить посланца к богам, чтобы он попросил за них. Самый мудрый среди тех жителей был старец Лиран, да будет благословенно имя его и будет жить память о нём. Он сказал, что не только требуется посланец, но и требуется молитва. И требуется подготовка для того, чтобы посланец смог добраться до богов. И не всякий сможет отправиться в такой путь, а лишь тот, чей дух и воля велики и кто чувствует и видит себя служителем народа. Был такой человек среди собора — молодой Гарн, сын кузнеца. Он вышел вперёд и сказал, что сделает всё, что от него требуется.

В Моруне люди верили, что боги живут далеко за Большой Ледяной пустошью. Никто и никогда не пересекал её. Попросту это было невозможно сделать человеку. Колоссальная по размерам и абсолютно пустая, она простиралась на дни и недели далеко на север. Гигантские ледяные горы и долины. Никакой живой растительности. Труднопроходимые горные перевалы, жуткие пронизывающие ветра, трещины в ледни-

ках, уводящие глубоко в чёрную пустоту, — всё это ждало отчаянных путников, кто принимал решение рискнуть жизнью ради встречи с богами. В Ледяные пустоши уходили, чтобы не вернуться.

На следующий день снарядили галеру и запасли пищу. Народ собрался у берега в две колонны, чтобы проводить Героя. Женщины подняли плач. Они рыдали так громко, что напугали и взбудоражили местных птиц и зверьё, и отголоски их стенаний были слышны за покосившимися стенами города. Мужчины трубили в горн протяжно и глубоко, возвещая о намерении Народа поддержать Героя в единой молитве. В последней молитве Моруна. Старец Лиран вызвался сопровождать Героя Гарна под изумлённые возгласы толпы. Он сказал твёрдо:

— Я знаю, что найду свою погибель на Пути. Я иду.

Лиран и Гарн расположились на галере и отправились в дорогу. Лиран пообещал направлять героя, покуда будут в нём силы продолжать. Так они отправились в это безумное гибельное путешествие. Последняя надежда погибающего королевства, избранники Народа. Они отправились в Путь только благодаря молитве многих. Их тела были не столь крепки, сколь крепка была их вера и воля. Великая ответственность — осуществить последнюю Волю народа Моруна.

Гарн — мифический Герой Моруна. Сказители что только не вещали про него, как только не приукрашали. В Средин-

ное Время он появляется в балладах у Марка Моряка с двумя головами, а у Барута Славного в монументальном «Падении Моруна» он обладает ростом в два раза большим, чем рост зрелого крепкого мужа: «И был он больше, чем один, он был, как целых два…» Доподлинно я не владею сведениями о его реальной внешности, телосложении, да и даже о возрасте. Примерно говорят только о том, что он был молод. Я лишь могу констатировать, что такие сверхчеловеческие возможности и особенности часто приписывают мифическим героям, которые в свою бытность произвели на современников особые впечатления. Современники не могли соотнести себя с ними.

Лиран и Гарн плыли на своей галере, пробираясь через замерзающие воды, пробивая льды в некоторых местах. Так они плыли до тех пор, пока льды не стали сплошными. Им пришлось сойти на лёд. Запасов еды вряд ли могло быть много, так как им приходилось нести на себе горы тёплой одежды. Они двигались к ущелью Гибели Ортона.

Именно эта точка является крайней на карте Потерянных земель. Она была нанесена несколько сотен лет назад, когда путешественники наткнулись на пещеру в скале, а в пещере лежал истлевший скелет и была выдолблена надпись в камне: «Ортон Седой». На самом деле Ортон Седой — абсолютно реальный персонаж. Но он достоин отдельного трактата, да будет благословенна память о нём.

За ущельем начиналась долина вечных ветров, по которой

абсолютно невозможно передвигаться человеку. Температура воздуха там достигает экстремально низких значений, а ветра дуют чудовищные, пронзающие насквозь. Внимательный знаток Севера на этом моменте уже должен задаться вопросом: а как старец Лиран и Гарн добрались до ущелья, если до него минимум семь дней пути по опасным горным трактам через ледники, которые не могут преодолеть даже опытные и сильные искатели с полным снаряжением? Вот здесь и начинается настоящая легенда. Говорят, что наши путники не только добрались до ущелья в целости, но, более того, старец Лиран демонстрировал удивительную бодрость. Настолько горел в нём Огонь. И неспроста, когда перед отправлением молодец Гарн хотел взять с собой свой массивный боевой молот, выкованный ещё его дедом, старец Лиран прокричал:

— Одумайся! На какую войну ты идёшь? На войну Духа!

И они пошли дальше, в долину вечных ветров. Практически без еды и без возможности устроить ночлег. Они шли чрез безумные ветра, куда глаза глядят, в снежную пустоту, в которую никто до них не ходил. Только лишь вера и ощущение боли за весь Народ подталкивало их.

Легенда гласит, что они встретились с богами. И был разговор у них долгий. Неистово просили за свой Народ старец Лиран и герой Гарн, и приведу здесь важную часть их разговора:

— А что сделали они, чтобы вы просили за них? — спро-

сили боги.

— Они вознесли молитву за нас, посланников, и за весь Народ Моруна, — ответил Лиран.

— И по страданию будет оплата. Старец Лиран, тебя мы забираем к себе, не нужно тебе возвращаться по Ледяным пустошам и ходить больше по этой бренной земле. Гарн, ты вернёшься к своему Народу и будешь выводить оставшихся людей в другие земли, прочь из Моруна. Мы укажем путь. А те жители, кто не откликнулся на зов священной молитвы, — не ходить им больше и не видеть красоты, и не чувствовать, не быть им больше, — сказали боги.

Взмолились было Лиран и Гарн за весь народ, но боги были непреклонны и решения своего не поменяли:

— Тот, кто страдает за всё общество, получит награду за всё общество. Тот, кто страдает лишь за своё тело, лучше бы ему не рождаться вовсе.

В Моруне не именовали богов, так как не постигали их суть. Говорили так: «То, что не постигаю, — не называю по имени». Невнимательный книжник, да направит его судьба в доброе русло, может сказать, что в своде законов Моруна указано, что называть богов по именам нельзя. И да, будет он прав, но важно уточнить, что слово «нельзя» в данном контексте имеет смысл «невозможно». Так же, как и любой здравомыслящий человек может заявить с абсолютной уверенностью и будет совершенно прав, что нельзя бросить камень таким образом, чтобы он долетел до солнца, какой бы

силой ни обладал человек.

Так Лиран остался с богами, наказав Гарну в точности выполнить все их указания и вывести оставшиеся искры народа из духовного плена. Гарн с честью выполнил божественное задание, добравшись до Торгена в целости. Он был принят народом как Герой. Последняя горстка живых душ Моруна под его руководством снарядилась в дорогу и произвела спасительный поход далеко на восток, за Чёрные горы, к Кристальному морю. Там они заложили небольшое поселение, которое назвали «Урочищем Гарна».

Уважаемый читатель, предлагаю тебе самому решить, насколько данная история является вымыслом. Но спешу отметить, что действительно в тех самых краях, за древними Чёрными горами, у Кристального моря путешественники ещё в прошлом столетии обнаруживали следы старинного поселения.

Торген

И вот, я стою на той земле, по которой когда-то ступала нога великого Мудреца и великого Героя. Что осталось от города? Лишь жалкое зрелище. Теперь это не более, чем поприще мхов и лишайников, которыми обросли кое-где сохранившиеся руины из серого камня, который тогда, в старину, повсеместно использовали в Моруне для строительства защитных сооружений, казарм и казематов. Сейчас, конечно, их и след простыл. Сказать по правде, от кого здесь было защищаться? От природы? Она всё равно возьмёт своё. А никому из здравомыслящих людей было невозможно и посягнуть на этот далёкий северный город, омываемый холодным неприветливым Крайним морем. Впрочем, мне остаётся лишь размышлять со своей высоты о мотивах предков, стоя здесь в час, когда память о них осталась лишь в легендах и сказаниях. И смотреть вдаль, в сторону Большой Ледяной пустоши, и слышать отголоски героического времени. Да, я стою здесь в этот час и будто слышу плач матерей, звуки торжественного горна, возвещающего о подвиге, фанфары. Здесь всё это витает в воздухе. Или же оно находится где-то внутри меня. Впрочем, какая разница? Но здесь мне делать нечего, ибо от города ничего не осталось, а мне, как собирателю архивов, неинтересен серый камень. Но, с почтением и уважением к подвигу предков, я склоню голову пред ним. И

отправлюсь дальше под торжественные звуки горна, доносящиеся из глубины веков.

Сив Снежный

Находясь здесь, на крайнем севере Потерянных земель, я не могу не вспомнить великого барда и сказителя легенд, который сам стал легендой. Его песни и сказания погружают слушателя в атмосферу древнейшего времени, когда сама земля решала, будет ли человек жить в Моруне, имеет ли он право строить здесь свои города и возводить крепости. Он видел так далеко, как не видел никто ни до него, ни после. И жил соответственно. Легенды о нём ходили практически с самого раннего времени, когда вообще можно было зафиксировать существование народного фольклора. Больше тысячи лет прошло с тех пор, а песни его живут и поныне. Правда, уверен, что они искажены. Не могло быть иначе. Но довольно моих бесцельных рассуждений. Дорогой читатель, представляю тебе легенду о Сиве Снежном, первом барде Севера и покорителе богов.

Было это на заре цивилизации. Морун тогда ещё не был Моруном, а был лишь робкой попыткой первых людей заселить северные регионы. Полагали так: если боги разрешат селиться в тяжёлых условиях и устроить быт, то разрешат и на юге. Люди тогда верили в ценность испытаний и преодолений и чтили подвиги. И был среди тех первых людей человек особый. Современников он поражал силой, ловкостью и прозорливостью. Он был поразительно умён и дальновиден.

А песни его завораживали, вызывали трепет и дрожь. Звали его Сив. С древнего наречия имя «Сив» можно перевести как «снег».

Когда было заложено первое поселение теми людьми, было большое торжество. И оно же и оказалось роковым, поскольку на празднестве народ не поднял ни одной благодарности богам. Очень быстро они уверовали в свою силу и способность обосноваться на холодной земле. Посчитали они, что достаточно им одного усилия, и награда не заставит себя ждать. Сива же не было на том торжестве, ибо не считал он, что пришло время для отдыха, а занимался он охотой на дичь в лесах для подготовки поселения к зиме. И вот, Сив возвращается и сразу же чувствует неладное. Он смотрит на лица соплеменников, смотрит на птиц, парящих в небе, на травы, на мхи. Слушает звуки моря. И понимает — совершена огромная ошибка, и она не будет прощена. Он воззывает к народу и увещевает их в глупости. Но, хоть и пользовался он большим уважением и почётом среди людей, дух толпы возобладал над ними и «защитил» их от рокового понимания. Народ пришёл в праздность, наслаждаясь своим успехом. Говорили так:

— Мы и так молились ежедневно и превозмогали себя! Мы не просто так добрались до этой земли на краю света. Боги услышали нас и помогли нам. А дальше мы сами решим свою судьбу!

Ответил Сив незамедлительно и жёстко:

— Глупцы! Как смеете вы решать за богов? Я не позволю вам погубить самих себя!

Народ лишь посмеялся над Сивом и продолжил праздновать свою победу. Сив же начал снаряжаться в поход. Птицы напели ему страшную весть о том, что боги уже близко. Они придут и безжалостно ответят на дерзость людей. И не оставят ни единой живой души на месте стоянки первых людей, а все свидетельства пребывания человека в этих местах они сотрут. Сив снаряжался в путь. Его сбор требует отдельной детализации, ведь шёл он не на простую битву, а на разговор с богами. Для своих сборов воину-барду потребовалось пересечь Крайнее море и войти в Ледяные пустоши. Так он стал первым человеком, открывшим это массивное ледяное королевство. Он взошёл в Пустоши и издал Великий крик, который поднял льды. Он воззвал к северному ветру и при помощи двух стихий выковал меч в грозовом чертоге из чистого льда. Он издал второй Великий крик и расколол ледяную гору напополам, после чего создал щит из льда и камня. Он издал третий Великий крик и обрёл броню из северных ветров. Так Сив подготовился ко встрече с богами.

Он вернулся из Ледяных Пустошей гигантом, с огромным ледяным мечом, источающим ледяной туман, а доспехи из ветра вызывали настоящую бурю вокруг него. Эта буря, в свою очередь, заставляла небесные облака кружиться вокруг великана, создавая снежный буран. Так Сив получил прозвище Снежный и заставил весь народ взмолиться за себя.

Когда люди увидели, какой подвиг ради них совершил Сив, они осознали свою глупую ошибку и стали неистово молиться богам о прощении. Они смотрели на великого барда-воина, плакали и взывали к богам в трепете и страхе. Он же, Сив, стоял среди людей и смотрел вдаль, где на горизонте зияли и приближались чёрные грозовые тучи.

Но встретиться им было не суждено. Боги услышали народ и отменили наказание. Они развернули свой рок и оставили людей в покое, дав им шанс устроить свой быт. А Сив же стал легендарным Героем и хранителем Севера. Хоть и не пришлось ему вступать с богами в спор, ему ещё не раз приходилось вставать на защиту народа, поднимая свой Ледяной меч из чистого льда и надевая броню из ветра. И раскрывая уста свои в великих песнях, защищавших людей от их же собственной глупости и соблазнов, которые росли с той же скоростью, с какой развивался первый город в месте, которое в грядущие сотни лет станет царством и получит название «Морун».

Что же, дорогой читатель, это было время легенд и великих героев! Заря цивилизации. И всё же хочу спросить тебя: Сив Снежный служил людям или служил богам? Оставляю тебя с этими размышлениями.

Медвежий острог

Медвежий острог. Самая северная тюрьма в известной мне части мира. Самая холодная и самая большая. Возведена она была ещё при царстве презренного Ерода Первого, да будет проклято имя нечестивца и забыто вовек. При жизни царя сопровождали душевные недуги, преследовали ощущения, что над ним чинят заговор, что его вот-вот свергнут. Каждую ночь он просыпался и пробуждал домочадцев истошным воплем. Каждую ночь ему снился один и тот же сон, как чёрная тень заносит кинжал над его головой. Посему он был крайне мнителен, подозревал буквально каждого при дворе. Так, в его воспалённую голову пришла мысль о том, что вполне вероятно, что в заговоре могут быть замешаны все или практически все придворные вельможи. Медвежий острог — плод иллюзий измождённого собственным безумием царя. Он приказал построить на севере государства огромный острог. Ерод потребовал, чтобы он был сырой, холодный, продуваемый всеми ветрами. Туда он планировал бросать заговорщиков, чтобы они погибали от всевозможных воспалений и переохлаждений до того, как он сам бы успевал охладиться и отойти от своих подозрений. Стоит отметить, что царь был не только мнителен, но и весьма труслив, поэтому ему было удобнее не приводить приговор в исполнение самостоятельно, а отправлять опальных вель-

мож подальше со двора и «забывать» про них. После Ерода Первого Медвежий острог практически не использовался вплоть до восхождения на царство его ещё более презренного и развращённого правнука Ерода Третьего, последнего царя Моруна. При нём все остроги были забиты заключёнными, несмотря на то, что преступных дел творилось меньше, чем когда-либо.

А что теперь? Теперь он стоит предо мной. Огромный, страшный, пустой, развалившийся. Серые камни стали чёрными и заросли мхом. Стоит на опушке леса, откуда доносится волчий вой. Темно и пасмурно. Острог своей чернотой сливается с чернотой ночного пейзажа. Я подхожу к прогнившей калитке и отворяю старинную трухлявую, но массивную дверь. Недалеко от входа я вижу бывшую комнату стражи, сырую и тёмную, но, к счастью, неплохо сохранившуюся. Здесь я переночую…

Сон

Удивительный сон приснился мне в Медвежьем остроге. Я будто увидел прошлое. Камеры. Узкие, сырые, холодные. Узники. Каждая камера — с узником. Они все худые, измождённые, стенающие. Молят о помощи, кричат. Но никто их не слышит. Холодный северный ветер задувает и заставляет их тела дрожать, а зубы стучать. И я видел одного человека в дальней камере. Он привлёк моё внимание особо обеспокоенным выражением лица, он что-то сжимал в руке и звал тюремщика. Тюремщик не приходил. Он злился и стучал в дверь камеры. А потом он внезапно как-то вышел сквозь дверь, будто дух, и устремился в глубины острога. А я направился за ним. Мы долго шли по мрачным пролётам, тускло освещаемым лишь факелами, и добрались до очередной массивной двери, возле которой дух повернулся ко мне и попытался передать в руки записку и какой-то небольшой кулончик из лунного камня. И вот я очнулся ото сна, в остроге, и обнаружил, что неплохо запомнил дорогу до этой самой двери от места ночлега. Что ж, попытаю удачу.

Записка узника

Возвращаюсь к своим очеркам в смятённом расположении духа. Дорогой читатель, твоему взору предстанет архивная хроника. Похоже, сколько лет бы ни прошло, место это хранит память и по сей день. Добрался я до двери, или точнее, до того, что от неё осталось. Не составило труда мне пробраться в то помещение, куда не смог попасть неизвестный узник из моего сна. Судя по всему, это был кабинет коменданта тюрьмы. Обнаружил я там несколько ларцов с различными документами, сохранившимися в кое-каком удобочитаемом виде. Сохранились также и записки заключённых, которые, судя по всему, тюремщики позволяли писать родным в последний день перед казнью тем, кто умел писать. И среди тех записок наткнулся я, кажется, на ту самую записку, которую держал мой таинственный знакомый из прошлого. За сим, уважаемый читатель, приведу здесь данную записку в полном виде, ибо, сдается мне, что такова была воля бедного узника, да упокоится душа его.

«Мама. Пишу тебе, твой сын Йарек. Сегодня мой последний день. Я мог бы описать те муки, которые пережил здесь, в холодных каменных стенах, как я плакал, лёжа на голом полу морозными ночами. Но сегодня мой последний день здесь, и я пишу тебе, мама, о том, что я не покидаю тебя. Я проснулся сегодня утром от яркого солнечного луча, про-

бившегося в мою камеру через решётку в потолке. Я посмотрел на этот луч и понял, что это всё просто игра света! Понимаешь, мама, я никуда не ухожу, я остаюсь с тобой».

Спросишь ты, почему нахожусь я в смятении от этой записки? А дело в том, что, выходит, предназначена она была для меня. Как и памятный кулон. Сжимая кулон в руке, я выхожу за пределы острога с памятью в сердце об этом человеке.

Дневник коменданта тюрьмы

Как я уже успел упомянуть выше, в закромах кабинета управителя я также обнаружил множество различных документов и записок разной степени сохранности. Записки, полагаю, также от узников. Похоже на то, что тюремщики хоть и принимали тексты от заключённых, но не собирались искать адресатов, а просто отдавали коменданту, который, в свою очередь, складировал их в свои архивы. В основном, конечно же, решительно невозможно разобрать написанное в этих записках, но вот по части документов особняком стоит дневник первого коменданта, ибо вёлся он на хорошей бумаге и наличествует плотная обложка. Поистине историческая вещь. И, прочитав её, должен отметить, что весьма трагическая. По праву путешественника и искателя, который готов рисковать жизнью ради раскрытия истины, привожу здесь выдержки, которые посчитал важными. Полный оригинал же останется при мне.

День первый.

«Гарнизон: двенадцать человек;

Припасы: на два месяца;

К заказу: грог на два месяца, мука на один месяц, тёплая одежда, шесть комплектов;

Количество заключённых: отсутствуют».

«Середина осени. Холодно и ветрено. Необходимо про-

контролировать качество тёплой одежды, риск заболеваний личного состава. Дежурные — двое на охране и двое для сбора ягод. Осуществить заготовки варенья и настоев из ягод и трав. Оружие хранить исключительно в арсенале. Контроль за потреблением грога. Подготовка к прибытию заключённых — ориентировочно один месяц».

День третий.

«Проблемы на лесных дежурствах. Медведи оказывают сопротивление при сборах ягод. Увеличить отряды на два человека. Усилить освещение периметра острога.»

День одиннадцатый.

«Первая гибель. Постовой ослушался указаний и вышел в лес после захода солнца, употребив больше допустимой дневной нормы грога. Найден утром к западу в чаще, забит медведем. Усилить контроль за складом. С приближением к зиме холодает, в остроге сыро. Стражники запрашивают увеличение нормы грога. Запрос на кухню для добавления порции согревающих напитков.»

День тридцать пятый.

«Гарнизон: четырнадцать человек;

Припасы: на три месяца;

Количество заключённых: традцать четыре;

Приёмка обозов. Помощник повара, стражник-надзиратель, смотритель склада. Заключённые знатного рода — десять человек. Остальные — местный сброд. Камеры для всех одинаковые. Требование — разместить знать в наи-

более продуваемых камерах на верхнем этаже. Выполнено. Проведён инструктаж стражи, добавлены дежурства по дневным и ночным сменам по этажам.

Лазарет: один человек. Сильный кашель. Комната стражи нуждается в утеплении под зиму».

День пятидесятый.

«Первая смерть среди заключённых. Герцог Висс. Прибыл уже больным, болезнь быстро прогрессировала в условиях содержания;

Лазарет: три человека. Высокая температура, сильный кашель;

Распорядился сократить длительность смен для дежурств по периметру;

К заказу: грог на два месяца».

День шестьдесят восьмой.

«Количество заключённых: шестьдесят пять;

Гарнизон: тринадцать;

Приёмка заключённых;

К заказу: мука на три месяца, сушёное мясо на три месяца, грог на месяц;

Дежурства для зимней охоты на дичь — два человека;

Заключённых умерло за два месяца: семеро;

Потери личного состава: один».

«Получил справки из столицы. Благодарность из центра за контроль над узниками. Текущие указания: выживаемость не важна, главное — контроль побегов. Побег из острога —

невозможен».

День семьдесят пятый.

«Заключённые мрут как мухи. А болеют все, даже смотритель склада-затворник. Пурга целый день, а ночью ещё и температура опускается существенно. Серый камень не спасает нас. А узников и подавно. Среднее время жизни в стенах каземата равняется двум-трём неделям».

День восемьдесят второй.

«Ещё одна неделя в жутком холоде. Только грог помогает».

«Через две недели ждём новый завоз узников. Признаюсь честно, мне их жаль».

День девяносто седьмой.

«Что происходит в центре? Доставлена женщина знатного рода. Выяснено, что она носит ребёнка. Указания к содержанию — камера на верхних этажах. Возмутительно».

День девяносто девятый.

«Женщина под мою ответственность размещена в комнате кухонных рабочих. Знают ли в центре об условиях содержания в Медвежьем остроге? Возможно, существует недопонимание. Отправить письмо».

«Указываю в письме на несовместимые с жизнью условия содержания заключённых. Острог сооружён таким образом, что не то, что быть здесь в заключении, но и поддерживать его функционирование является опасным для жизни и здоровья. Не говоря уже о содержании женщины в таком уязви-

мом положении».

День сто десятый.

«Чёртов выродок, будь он проклят! Я не собираюсь выполнять приказ. Кому я служу? Завтра ноги моей не будет в этом месте».

День сто одиннадцатый.

«Попытка побега ночью. Тело найдено в получасе ходьбы от острога. Сильные морозы, вьюга. Невозможно было бы сбежать даже подготовленному человеку. Вопрос остаётся на моей ответственности. Складываю свои полномочия».

Рок Тарара

Дорогой читатель! Спешу поделиться с тобой своей находкой, которую я обнаружил, исследуя руины, оставшиеся от города Сьорн, что в северной части земель, когда-то бывших частью царства Морун. Это поистине историческая находка. Морун пал. Сьорн пал. Но рукописи целы! То, что осталось от городской ратуши… от её библиотеки, архива… да восславится имя архивариуса Сьорна пред богами. Как и подобает настоящему книжному человеку, он поставил жизнь книг и истории выше своей собственной. Не смог я отыскать имени этого отважного и честного с собой и с богами человека, ибо не оставил он записей о себе. Но спас и сохранил сведения, ценнейшие сведения о делах и событиях былого времени. И я, Фалдек, с большим трепетом спешу поделиться с тобой теми событиями, что произошли когда-то и о которых было сложено так много легенд и песен.

Прошу простить меня, дорогой читатель, за многословность, да не сочти это пустословием. Но мне попало в руки дело Тарара… того самого бедняги Тарара, история жизни которого запомнилась народу Потерянных земель как «Рок Тарара». В этом своём очерке я хочу привести записи судебных заседаний, на которых вершилась его судьба, и заверенную самим безумным царём Ородом Третьим запись о приговоре. Помимо письменных фактов, которые я прямо сей-

час держу в своих руках, я расскажу тебе обо всём, что знаю о Тараре из легенд, песен и прочих народных сказаний, сбором и систематизацией которых я занимаюсь. Ведь делу этому я посвятил свою жизнь, и мне есть что тебе рассказать. И должен признаться: я ищу в архивах не только судьбы людей, но и судьбы дорог. Любая строка о переправе, о лесном тракте, о чёрной топи — для меня ныне драгоценнее золота. Ибо если стих правдив, то чаща — не место, а узел, в котором сходятся беглецы, мертвецы и те, кто идёт по зову.

Тарар родился в городе Сьорн в семье бедняков. Мать его умерла при родах, а отец был слаб здоровьем и мог зарабатывать на жизнь только просьбами о подати. Так Тарар рос в голоде, холоде и темноте. Сьорн — северный город ремесленников. Пять месяцев в году он покрыт снегом. Другие пять месяцев идут холодные дожди. Лето — короткое. Но не только суровая природа, но и суровость порядков и законов выделяли царство Морун в те времена. Это был как раз период правления презренного царя Ерода Третьего, последнего царя Моруна, да будет проклято имя нечестивца! Маленький несчастный Тарар не подозревал, что сам царь примет участие в его судьбе. Сам же мальчик не был согласен со своей участью и с детства начал промышлять кражами. Он воровал пищу, зерно, обдирал кошельки зевак. Он начал делать это в настолько малом возрасте, что никто не мог поверить, что его обокрал такой малец. Привожу здесь первую запись из городского мирового суда:

«Совсем юных лет мальчишка Тарар попался на краже в торговой лавке пчеловода. Ребёнок развивается в воровском деле быстрее, чем осваивает речь. В силу малого возраста Тарару выписано пять ударов розгами. Указываю: ребёнка необходимо поставить на контроль. Мировой судья Харит, Сьорн».

Должен заметить, что судья в этом деле был добр к сорванцу. В эпоху Ерода суды работали жёстко и, как правило, не щадили никого, выписывая самые суровые наказания. Не брались в расчёт ни социальный статус совершившего преступление, ни возраст, ни репутация. В те времена единственный человек в Моруне, которому было позволено всё, — сам царь Ерод. Мягкосердечность судьи Харита в будущем еще сыграет, так сказать, злую шутку с мальчиком. Очевидно, Тарар усвоил урок, поскольку следующая запись в деле датируется пятью годами позже. Моё предположение состоит в том, что воровать он не перестал, но начал развиваться также и в скрытности. А ещё он с младых лет проявлял особую прагматичность, не забирая себе больше, чем необходимо для выживания, тем самым не вызывая на себя больших подозрений. И вот через пять лет он допустил ошибку. Привожу записку судьи:

«Молодой юноша Тарар был пойман за кражей в лавке гончара. Уже закрывший свой магазин, гончар по забывчивости своей вернулся за одеждой своего сына, застав Тарара. Будучи человеком сильным и ловким, гончар успел букваль-

но ухватить Тарара за руку, когда тот вылетал из лавки. Однако, несмотря на то, что юнец держал в одной руке большой кувшин, сумел вырваться. Но в тот вечер ему не повезло, ибо, вырвавшись и развернувшись, он моментально влетел в стражников, производивших вечерний патруль по торговым рядам. Будучи пойманным с поличным, юноша не спешил раскаиваться, а наоборот, глаза его и помыслы его источали ненависть и презрение к руке закона. Из его рта сыпались страшные проклятия, что кровь стыла в жилах — как такой молодой и может высказываться так. Пришлось заключить его в темницу».

Стража была не настолько благосклонна к мальчику, как Харит. Из темницы Тарар вышел уже практически без зубов и со страшными ранами от розог и побоев на теле. Так, совсем в юном возрасте, мальчик сделался настоящим разбойником. Доселе скрытный и аккуратный, он перестал брезговать силовыми и опасными методами ведения своих дел: он начал изучать ядоварение и владение оружием. Скрывшись в густых смешанных лесах Сьорна и устроив логово в непроходимой чаще, он питался грибами и охотился на дичь, собирал ядовитые ягоды и травы, делая свои заготовки. Первый серьёзный налёт он совершил в том возрасте, когда юноши обычно становятся подмастерьями у своих отцов в ремесленных лавках. Подкравшись ночью к медленно и тяжело пересекающему густой лес Сьорна торговому обозу, он нанёс коню небольшую рану своим отравленным кинжалом,

после чего тот замедлился и вскоре полностью остановился. Будучи незамеченным извозчиком в силу темноты и низкого роста, Тарар зашёл за спину спешившемуся извозчику и также ранил того. Яд, практически парализовавший коня, моментально сбил с ног взрослого мужа. Так Тарар проник в повозку и порезал спящего купца. Он забрал все товары и полностью обобрал торговца и извозчика, забрав все вещи, даже сняв с купца обувь. Проснувшись к утру, мужчины с огромным удивлением обнаружили себя лежащими на лесной дороге в полном одиночестве, без ценностей и без повозки. Конь куда-то ускакал вместе с ней.

Дело приобрело в то время огромный резонанс. Никто не мог помыслить о том, что в правление Ерода хоть одна живая душа рискнёт на столь дерзкий поступок. Никто до того момента не решался на подобные преступления в царстве Морун, ибо любое преступление каралось максимально жёстко. А здесь — крупный грабёж с разбоем и причинением вреда жителям. Торговец отморозил пальцы ног до такой степени, что их пришлось ампутировать, чтобы сохранить ему жизнь. Царь Ерод пришёл в страшную ярость, прознав о совершённом преступлении, и поднял все силы местных властей, чтобы изловить дерзкого разбойника. И эта задача оказалась очень непростой. После грабежа Тарару припасов хватало надолго, он схоронил их в лесных тайниках, проработал маршруты и умело скрывался от преследований, перемещаясь между тайниками. Нападавших на его след сол-

дат он умело «выключал» при помощи скрытности и ядов. Стоит отметить, что он не стремился становиться убийцей и всегда оставлял солдатам и торговцам шанс.

Но шло время, и Ерод переключился на более глобальные цели по устрашению подданных своего царства. Он вводит страшный, нечестивый указ о еженедельной казни одного подданного Моруна. Выбор жертвы производился самим презренным царём случайным образом. Так прошли две зимы и два лета. Общество держалось в страхе и трепете от новых жестоких порядков в Моруне. Подробнее о тех временах ты, уважаемый и любопытствующий читатель, да будет дорога твоя освещена знанием и верой, можешь прочитать в моём трактате «Морун». Здесь же я не хочу останавливаться на этих леденящих жилы подробностях, чтобы не отвлекать твоё внимание от горькой участи нашего «героя». Так вот, прошло две зимы и два лета, и в Сьорн приехал молодой человек с испещрённым лицом скитальца. Он идёт прямиком в ратушу, где располагается суд, и просит обращения непосредственно к судье Хариту, ставшему на тот момент главным судьёй Сьорна, достопочтенным и уважаемым старейшиной города. Судья узнаёт Тарара и, обомлевший, принимает его для разговора. Этот разговор он также документирует в тайной записке, переданной архивариусу под строжайшим запретом прочтения и которую доблестный человек, да прославятся заслуги его, даже не распечатал и оставил на хранение в закрытом виде. Я же, Фалдек, не ради лич-

ного интереса, а для исторической науки, раскрываю её здесь перед тобой.

«Вернулся разбойник Тарар и попросил аудиенции. Я принял его, помня о его тяжёлой судьбе, из дани уважения к богам, которые проявили по какой-то причине к нему милосердие и дали возможность укрыться и не быть пойманным. Тарар был дерзок, как и раньше. Ни тени вины на его лице я не увидел. Но увидел боль и сожаление. Тарар поведал мне, что вёл долгий спор с богами о своей участи. Он винил людей Сьорна в том, что никогда не было у него шанса на добрую жизнь, а обстоятельства всегда оборачивали его ко злу и преступлению. На что боги сказали ему: "праведник или грешник — здесь выбор твой". Долго размышлял Тарар об этом и всё-таки решил прийти на суд. Но сказал, что не примет он суда человека над человеком, ибо только боги имеют право судить. "Сами поставили меня в такие условия, а теперь сами же и судите!?" — так он сказал. Мне нечего было возразить. Я был обязан заключить его под стражу и устроить суд…»

Далее я приведу здесь выдержки из судебного заседания.

Судья Харит: «…обвиняется в воровстве, разбое и бегстве от заслуженного наказания. Смягчающие обстоятельства: сам пришёл на суд, разбойник Тарар хоть и совершил множество преступлений и в них не раскаивается, однако готов принять жизнь в обществе города Сьорн и обрести ремесленную специальность. Готов дать слово подсудимому

Тарару».

Тарар: «Перед всем обществом Сьорна и перед лицом богов заявляю, что не признаю своей вины ни в чём. Кроме того, что не просил у богов сил принять свою участь. Я не хочу быть одиночкой-преступником. Но и не хочу признавать ваш суд над собой. Я всё же приму наказание, но только для того, чтобы по истечении срока вернуться в общество и жить с вами со всеми на одних правах, и никто не будет иметь право принизить меня».

Судья Харит: «Оглашаю наказание: разбойник Тарар приговаривается к заточению в острог Сьорна на полные три года и к общественным работам в качестве возмещения убытков тем гражданам, которым нанёс вред».

Тарар отбыл наказание в полном молчании. Он сидел в своей мрачной и холодной камере, в полном одиночестве наедине со своими мыслями в ожидании, когда наконец сможет перевернуть страницу и начать новую главу своей жизни. К тому времени царь Ерод уже успел загубить массу невинных жителей Моруна и не собирался останавливаться. Казни, отъём имущества, отъём детей, безумный и нечестивый царь вёл настоящую войну против всего народа с целью поднять трепет и страх перед короной выше, чем трепет и страх перед богами. Он совсем позабыл о дерзком юнце Тараре. Но их судьбам было суждено пересечься в роковой час.

В день освобождения Тарара Ерод по своему обыкновению принимал царский завтрак в своих покоях и выби-

рал свою следующую жертву. Он любил раскинуть длинные списки подданных Моруна на столе и попытать «удачу», вонзая свой царский кинжал в случайную точку. И вот, в то роковое утро этой точкой оказался Тарар…

Тарар успел выйти за пределы острога и вдохнуть чистый воздух, посмотреть на солнце… и тут же он был схвачен стражей и на глазах у изумлённых горожан уведён под конвоем обратно в темницу. Удивительно, но когда он узнал о причине своего повторного задержания, он не издал ни единого звука. Сам же царь Ерод весьма потешался от сложившейся ситуации и даже устроил пир в честь такого события. Вспомнив про дерзость разбойника, царь был доволен — царское правосудие свершилось, любого посягнувшего на власть короны рано или поздно настигает возмездие. Судья Харит навещал Тарара в его последний день, о чём также оставил секретную записку:

«Тарар был немногословен. Он лишь сказал, что как бы ни куражился царь, он лишь служит инструментом в руках богов, и если они решили так оборвать его жизнь, не дав ему шанса на новый виток, значит, так будет лучше для мира. Он надеялся, что его история послужит примером для будущих поколений. А он сам оправдал богов за прошлое, настоящее и будущее и добавил, что нет богов, а есть лишь одна единая управляющая сила, которая воздействует на весь мир через царей, судей, отцов и матерей. И да свершится высшее правосудие».

На следующий день, поутру, узник Тарар был казнён на центральной площади Сьорна палачом через отсечение головы. Очевидцы рассказывали, что он держался тихо и спокойно и даже немного улыбался.

Удивительная история. Сломленный с самого рождения, протянувший свою боль через всю жизнь и получивший высшее прощение. Через века мои современники считают богов жестокими. Они не могут до сих пор оправдать ни богов, ни Ерода. Многие не оправдывают и самого Тарара. Я лишь хочу сказать, что, судя по всему, оправдание имеет большую силу в мире, и оно приходит только к сильным духом и поднимает их выше мира, чего не может сделать никакая власть человека над человеком.

Воин-скальд Йор

Судьба Тарара

Ниже я приведу песню, автором которой является известный в народе воин-скальд Йор — один из величайших бардов времени Великого Упадка, который спел свою скорбную песнь о Тараре уже после бесславной гибели «героев» произведения, Тарара и Ерода Третьего, как бы осмысляя, подводя итог жизни разбойника. Йор исполняет песнь как бы от лица Тарара, хотя в его тексте явно прослеживается личность самого Йора, такого же бесстрашного и неукротимого, но всё же более последовательного и рассудительного в своём изложении, нежели мы бы услышали историю жизни от лица самого героя произведения. Но народ принял, и мы с тобой тоже не будем отделяться от народа, пусть живёт он и процветает, да и мы вместе с ним.

То было в древних землях
На дальних рубежах.
Стояло царство Морун
На северных ветрах.
И град стоял там северный
У самых врат зимы.

И жил народец низменный,
Не чувствуя вины.
Детей тогда рождали там
В пороках нищеты,
А предков позабыли,
Не чувствуя вины.
Там смертью всё пропахло
И даже солнца свет
Не грел, не освещал он,
Он стал, как лунный свет.
Я был рождён в том месте
В ночи средь пустоты,
И мать моя погибла,
Не чувствуя вины.
Отец был слаб и болен,
И я с младых ногтей
Решил карманным вором
Прожить среди людей.
И вот меня поймали,
Жестоко посекли.
Добра ко мне не знали,
Не чувствуя вины.
И не был я согласен
С судилищем людей.
Не может быть тот властен,
Кто создан из костей.

Не смеет тот, кто смертен,
Другими помыкать.
Я, ловкий, словно ветер,
Продолжил воровать.
Я скрылся в лесной чаще
И жил среди волков.
И то мне было счастье
Без проклятых чинов.
Ловить меня пытались,
Но боги помогли.
Я много зим скитался.
Всё в холоде, в ночи…
С богами долго спорил
Об участи своей.
Не мог признать я снова
Судилище людей.
И боги мне сказали,
Что прав я и во всём.
Но праведник иль грешник —
Мой выбор только в том.
И я решил с повинной
Вернуться в город Сьорн
И заплатить закону
За то, в чём обвинён.
Я принял срок свой длинный
И молча ждал, когда

Смогу идти уж дальше
Сквозь тусклые года.
Года в борьбе бесстрашной
С той горькою судьбой,
Что боги мне вручили.
И путь мой непростой.
И путь мой злой и жуткий
Закончился в тот миг,
Когда я солнца лучик
Узрел и тут же сник.
Был приговор ко смерти
Моей от рук Царя.
Безумный деспот Ерод
Не дал прожить и дня.
И вот, приговорённый
Я к казни палачом,
Открыл врата молитвы
Единственным ключом.
Я принял рок свой грозный.
Я принял суд людей,
Связав его с той силой,
Что лепит из костей,
Что создаёт големов
Из крови и смертей,
Что жизнь вдувает в ноздри
Отцов и матерей.

Сложил свою я жизнь теперь
Перед престолом душ.
И это был мой выбор.
И да свершится суд!

Легенда о Йоре

Скальды и сказители издревле, со времён Сива Снежного, выделялись прозорливостью. Они были наделены особым даром соединять миры богов и миры людские. С каждым поколением всё тяжелее было им держать эту связь, ибо оскудевал дух. Поздним бардам времён Великого Упадка было тяжелее всех, ведь окружены были они одной лишь низостью. И, черпая воды из высших источников, они не могли ими поделиться с современниками. Ибо не слышали они их. Услышать можем мы, хроники и искатели. Услышать через века, как они передавали божественные искры. Но в эпоху Упадка сказители дорого платили за своё ремесло. Ведь известно, что вода может быть свежей, только если есть движение воды. Если есть, куда направить поток, чтобы постоянно обновлялся он. Стоячие воды же являются признаком затухания.

Так, по достоинству труды скальда Йора оценили лишь в Срединное Время. Не находя же доброй связи с современниками, Йор искал отдушину в развлечениях и потехах. В Сьорне издревле популярными были кулачные бои. Взрослые мужи соревновались в силе, ловкости и духе. Йор был завсегдатаем на подобных мероприятиях, и не было равных ему в этом. Поговаривали, что обладал он нечеловеческой мощью. Вероятно, это было связано с тем, что Йор имел свой

разговор с богами и черпал силу от них. Но и тратил он её попусту, желая лишь стать героем среди людей. Хотел он прославиться как самый сильный воин. И был он безжалостен в этом своём стремлении, жестоко побивая всякого, кто осмеливался принять его вызов. Так, со временем снискал Йор славу самого сильного воина на севере. Но с этим титулом прилепился к нему ярлык неуемного и жадного до славы человека. Начали сторониться его в Сьорне. Не звали его участвовать в боях. И решил Йор, что его просто-напросто боятся горожане, ибо стал он мощнее всех живых среди людей. Тогда решил воин-скальд бросить вызов самому Царю леса.

Жил в гуще лесов близ Сьорна один бурый медведь. Старый, огромный. Боялись его местные и почитали как духа леса. Настолько был он страшен и неукротим, что не охотились никогда на него, хотя и немало горя он приносил, забирая жизни заплутавших охотников. И вот Йор принял решение бросить ему вызов.

Было это зимой, холодной и тёмной. Долго рыскал Йор по лесам, ища пещеру. Не один день. Спать приходилось ему, укутавшись в шкуры, прямо на снегу. Питался зимними ягодами, ловил дичь. Искал он огромные следы Царя леса и так, наконец, нашёл. Пещера медведя была темна и глубока. Когда вошёл Йор в пещеру, то почувствовал сразу, как проваливается в тяжёлый глубокий сон. Так и упал он на камни и уснул, и такое видение пришло к нему во сне.

Стоит воин-скальд в пещере, а напротив него — огромный, в три с четвертью человеческих роста, старый медведь. Шкура со следами былых боёв, былых побед. Глаза медведя светятся голубым огнём, и холод исходит от него и распространяется по пещере. Заговорил медведь с Йором:

— Ну? И зачем пришёл ты, скальд? Неужто героем прославиться хочешь ты?

— Я бросаю тебе вызов, зверь. И стану я самым сильным на всей земле, — ответил Йор.

Утробный смех услышал скальд.

— Кому ты бросаешь вызов, воин? — спросил медведь.

Йор хотел было взвести кулаки, принять боевую стойку. Но обнаружил, что не может он и пальцем пошевелить. Холод заполнил пещеру. Покрылась она вся инеем, и сам скальд почувствовал, как леденеет снаружи и изнутри. Медведь встал на дыбы и издал ледяной рык, осыпавший ледяные сосульки со стен. И приобрёл Царь леса голубое сияние, осветившее тьму пещеры. Упал он снова на лапы и в страшном прыжке и рыке бросился на Йора, проходя сквозь него ледяным духом.

Современники рассказывали, как охотники нашли тело скальда спустя несколько недель в огромной пещере. Лежал он на камне, вмороженный в землю, в застывшем последнем крике. А рядом лежал его инструмент, разбитый в щепки.

Твердыня

Твердыня — высшее проявление мастерства зодчих и строителей Моруна. Город был заложен около восьмисот лет назад одним из первых царей, Анселем. Город располагался на естественной возвышенности и представлял собой массивное фортификационное сооружение с толстенными высокими крепостными стенами и башнями. Башни Твердыни в своё время были самыми высокими сооружениями в известной части мира. Фактически, удачное месторасположение в сочетании с продуманными инженерными решениями делало Твердыню неприступной для неприятеля. А холодный климат центрального региона Моруна создавал невыносимые условия для длительной осады. Так Морун получил звание Цитадели Севера, а его Твердыня — звание самого неприступного города. На протяжении многих веков это развязывало руки местным царям, распаляя их гордыню и жажду власти. Кальден постоянно терпел избыточные амбиции северного соседа. О длительном военном противостоянии между Моруном и Кальденом я пишу в своём трактате «Морун», здесь же не хочу подробно останавливаться на этой теме, которая требует подробного описания и тщательного раскрытия. Это мои путевые очерки, а путь мой так или иначе ведёт через Твердыню. Я должен исследовать то, что от неё осталось спустя несколько веков после её падения, и

поведать о том, почему с такой неохотой двигаюсь в её направлении.

Твердыня пала одной из первых. Я бы даже сказал так: распространение атмосферы распада и угасания началось именно здесь. Почему? Полагаю, дело в том, что столицы и густонаселённые торговые центры во все времена являлись флагманами происходящего в государстве. Многообразие и многочисленность людских связей рождает новые и новые духовные артефакты, которые уже затем разносятся повсюду. В городах всегда обострены все человеческие пороки: жажда власти, алчность, чревоугодие, скупость и расточительство, ненависть и зависть. Они разъедают общество, делая духовный ландшафт зыбким под их ногами, создавая болота людской низости. Цари Моруна поднимались на высокие башни Твердыни и смотрели на весь мир свысока. С их высоты весь мир казался маленьким и презренным. Как богач, который приходит в нищенский квартал. Он видит вокруг лишь грязь и нищету, и он страдает от картины, которую наблюдает. Она ему неприятна. Так властители Цитадели Севера смотрели на весь мир, и они его ненавидели за его низость. И этот дух ненависти и гордыни разлетался по всем закоулкам города: по жилым и торговым кварталам, по ремесленным лавкам, передавая ощущение презрения и превосходства местным купцам, мастерам и горожанам. Так купцы и ремесленники задирали цены на свои товары, а горожане мнили себя высокими, словно каждый из них был

вельможей при дворе. Вдумчивый читатель скажет: «И что в этом такого? Это обычная история любого развитого поселения». Согласен, но добавлю, что что-то такое особенное произошло здесь, в Твердыне. Была ли беда в царях, либо же в местных жителях, а может, и в самих богах, но, так или иначе, в определённый момент линия суда не была покрыта линией милосердия и сама земля начала отказывать северному народу в возможности существовать.

Хроники считают, что процесс распада начал своё развитие в бытность правления царя Ерода Первого. Об этом периоде также см. трактат «Морун». Мне же важно сообщить о том, во что превратилась крепость сейчас. Сейчас — это место, которое покинула благодать богов. Сама земля здесь проклята, ходить по ней опасно. Она источает миазмы. Путешественники, которым приходилось бывать в здешних местах, с содроганием уст рассказывали, как видели в округе неприкаянные души, сновавшие в стенаниях, бешеных и больных диких животных — лис, волков и медведей. Чернокнижников, проводящих свои порочные опыты, пытающихся увеличить свою волю, черпая силы от разложения и распада. А там, где есть чернокнижники, там есть и мерзкие отродья — результаты успешных и неуспешных опытов этих нечестивцев. И много, много чего другого можно здесь повстречать, чего бы я ни пожелал никому, да оберегут боги тропу путника.

И всё же есть у меня долг хроника и рассказчика. И, воз-

можно, я смогу именно здесь пролить хоть немного света на свои поиски. Узнать про шальную реку, безымянную чащу и таинственную чёрную долину.

Крестьянский пруд

О царе-градостроителе Анселе говорили как о глубоком и переживающем царе. Во времена первых царей, много веков назад, властители Цитадели Севера и народ Моруна процветали, а на земли эти приходила весна и приходило лето. Хоть и короткое, оно оставляло неизгладимое впечатление в сердцах людей, закладывая надежду на лучшую жизнь. И надежда эта передавалась из поколения в поколение. Царь Ансель имел удивительную для царя привычку. Несмотря на то, что он заложил Твердыню и царский дворец был построен ещё при его жизни, видели его там нечасто. Излюбленным его местом был простой крестьянский пруд, располагавшийся на подступах к городу. Вокруг пруда раскинулись массивные дубы и сосны. Ансель приходил к пруду, садился и наблюдал за тем, как изо дня в день, из месяца в месяц природа постоянно менялась и обновлялась, совершая полный кругооборот. Ветвистые дубы чернели, потом зеленели, блестели, желтели, краснели и снова чернели, а затем белели. Пруд цвёл, а затем тоже чернел и покрывался льдом. Крестьяне круглый год использовали пруд для выгула скота, мытья посуды, купаний. Ансель наблюдал за переменами снаружи и подмечал перемены внутри себя. Историки говорят, что он делал небольшие личные заметки. Я планирую поискать их в стенах царского дворца.

Как это всё влияло на царя и как это влияло на государство? Ансель был мирным созерцающим царём. Он заложил Твердыню из соображений безопасности. Он видел так, что весть о возведении такой мощной крепости должна отвернуть неприятеля от посягательств на Морун. Весть о Твердыне — это весть о том, что на севере материка появилось мощное царство, готовое противостоять любым врагам. И так и получилось. Никто и никогда не смел посягать на Цитадель Севера. Сам же царь Ансель не хотел и не собирался жить в царском дворце. Ансель считал, что жизнь во дворце отрывает его от кругооборота жизни, неестественно поднимая его вместе с царским троном над природой. Серый камень и золото навевали атмосферу заточения. Тяжело было быть отрезанным от природных изменений, которые стали для него внутренним метрономом.

Время шло, крепость стояла, государственные дела требовали всё большего вмешательства царской руки. Твердыня звала своего господина. Ансель с тоской взирал с берегов пруда на высокие стены и башни из серого камня. Ему предстояло стать узником этих стен. Как не стать заложником трона? Как, находясь под защитой стен, у тёплого очага, в мехах и драгоценностях, не потерять тонкую нить, связующую правителя и народ?

Так царю Анселю пришла идея. Трон в царском дворце должен быть таким, чтобы никто из правителей не чувствовал себя комфортно от нахождения во дворце. Чтобы дворец

не был золотой клеткой, а был ледяным пристанищем. Чтобы каждый правитель страдал вместе с народом. Трон должен стать обузой, а не незаслуженной наградой. «Кто правит, тот страдает» — такое было кредо Анселя. Пусть добрый народ Моруна здравствует весной и летом и трудится, подготавливаясь к зиме и к новым обновлениям и внутренним переменам. А для царя в Моруне всегда будет зима, ведь именно царь всегда должен помнить о ней и должен платить больше остальных за свою власть.

Весна сменяла зиму, лето — весну, осень — лето. Твердыня стояла. Трон стоял. Царь Ансель восседал на холодном троне и всегда помнил, и всегда знал своё место.

Отказ от внутренней войны

И вот я уже на подступах к столице. Скрылся в одной из сохранившихся каменных построек, вероятно, здесь когда-то была таверна. Со второго этажа я смотрю на возвышенность и на крепостные стены Твердыни. Они всё ещё стоят, и, кажется, простоят ещё много сотен лет, хотя где-то и виднеются заметные трещины, а где-то даже обвалились стены. И вот, я смотрю вокруг, вдыхаю местный воздух, в котором явно улавливаются ноты мертвечины, и я скорблю вместе с народом Моруна об упущенной возможности.

Невозможно отказаться от внутренней войны. Человеку всегда следует работать над своим Духом. Отказаться — означает сдаться. А сдача внутри — это война снаружи. Это смерть снаружи. Каким процветающим мог бы быть сейчас этот город, если бы люди добавили каплю милосердия в свои распалённые ненавистью сердца? Но они забыли, что движение к прогрессу торговому, военному, научному — это ещё не начало движения к себе внутреннему, а лишь декорации этого пути, от движения по которому нельзя, невозможно отказаться, а можно лишь сдаться и быть погребённым сначала внутри, а затем и снаружи.

Я сижу у огня и скорблю вместе со всеми неприкаянными душами. Возможно, время вылечит эти земли.

Ищейки

Я робко и осторожно продвигаюсь меж кварталов под городскими стенами. До ворот ещё далеко, а повсюду снуют ищейки. Страшные заколдованные псы с мертвенно-бледными глазами. Они ищут тепло и готовы растерзать любого. Благо, я всегда ношу с собой специальные порошки, которые помогут мне укрыться от патрулей, если я буду достаточно внимателен. Заколдованные животные — верный признак находящегося рядом чернокнижника. Сначала он получает контроль над неживой природой, черпая гнилостную энергию проклятой земли и камня, затем переходит к растительной, выжимая все соки из трав и кустарников. А после его целью становится животная составляющая. Он получает контроль над местной фауной и может смотреть их глазами — так он получает контроль над всей территорией. Главной его целью является поиск духовного артефакта, влияющего на местность, его исследование и постижение. А далее — использование в своих корыстных целях. Твердыня — излюбленное их место, здесь они кормятся и становятся очень сильными, если, конечно, им хватает воли для поглощения артефактов.

Если ты спросишь моё отношение к ним — то это жалость. Я-то не понаслышке знаю о запрете колдовства и чёрных книг. И знаю, что стоит за этим запретом и насколько

глубоко этот запрет уходит. И насколько мелочно стремление человека контролировать ход своей судьбы. И насколько оно невозможно, нереализуемо. По крайней мере, нереализуемо тем методом, который они используют. Но, так или иначе, в своём стремлении повелевать судьбой эти колдуны очень опасны и не остановятся ни перед чем, а встреча с ними в местах, где они черпают силы, может стать фатальной.

Городские стоки

Я не смог бы пройти через главный вход, через городские врата, не будучи замеченным. Поэтому принял решение протиснуться через стоки. Когда-то они являлись достижением инженерии. Теперь же выглядят как страшные пещеры, в которых легко потеряться и надолго застрять. В этом лабиринте можно наткнуться на крепко запертые чёрные двери, от которых веет неземным холодом. О том, что сокрыто за ними, поведать смог бы разве что только кто-нибудь из сгинувшей царской династии Моруна.

Моё счастье, что «пещеры» эти по назначению давным-давно не используются. А это значит, что я могу спокойно расположиться с факелом в алькове и перевести дух, написав очередную заметку. Отмечу, что нахожусь в радости, несмотря ни на что. Не помню, когда в последний раз переживал за собственную шкуру. Да, безусловно, жизнь необходимо сохранять, ибо нет ей цены. Но жизнь нужна для дела, которое необходимо довести до конца. Больше я переживаю именно за это. Невероятная сила заставляет меня преодолевать огромные расстояния по этой выжженной недоброй земле. Надеюсь, в конце пути я смогу приблизиться к источнику этой силы. Силы, которая улавливается между строк тех записей и документов, которые мне уже посчастливилось обнаружить.

Знаток

Вот история приключилась со мной. Мне довелось повстречать здесь давнего знакомого, моего доброго приятеля Мортимера. Человек удивительной судьбы и удивительных габаритов. Он всегда был слишком велик во всех отношениях, чтобы быть понятым и принятым соплеменниками. А встречались мы всегда в самых неожиданных местах в самое неподходящее, казалось, для встречи время. И вот я снова увидел его, сидящего на ступенях полуразрушенного царского дворца. Такая неуклюжая картина. Высокий и тучный человек в нелепой багровой рясе, в импозантном головном уборе, сидел на самом просматриваемом месте в городе, как ни в чём не бывало. То ли он молился, то ли ожидал моего прихода — тут я бессилен в понимании, ибо он по своему обыкновению задал мне вопрос в лоб о том, насколько уж я приблизился к совершенной молитве. А что я могу ответить? Сегодня мне кажется, что я близок как никогда, а на следующий день я уже бесконечно далёк от неё. Главное — я в пути. И я знаю, что мой старый друг тоже в пути. И мы всегда держим связь, пусть даже и забываем внутренне поддерживать и просить друг за друга. Я забываю, точнее. Мортимер никогда не забывает об этом. И это ощущается. Как и не ощущается состояние отдаления от того, кого любишь, даже если ты на другом конце света, — ты всегда с ним. А

тот, кто ненавистен, будь он всегда рядом с тобой физически, — бесконечно далёк от тебя, ибо вы повернуты спиной друг к другу.

Мортимер всегда был неравнодушен к проявлениям иронии жизни, поэтому затесался в ревнители веры, никогда при том не поддерживая общую линию Синода о предмете этой самой веры. Он говорил, что, если вера не основана на знании, то она беспочвенна. А знание может быть лишь в том, что разум ограничен, и для выхода за границы нужна именно вера. И надо верить в то, что всегда есть ступень большего раскрытия тайн мироздания, которая недоступна человеку лишь по причине его уверенности в своих собственных возможностях и надежде на то, что он всего достигнет своим умом. Интересно, что подобные умозаключения не только не ввергли Знатока в опалу, но и, наоборот, сделали его главой корпуса ревнителей веры и между тем — главным ловчим при дворе Заратана. И, как я и предполагал, в Твердыне Мортимер оказался по заданию. Его цель заключается в розыске опасного беглеца-чернокнижника Радакса, но и, само собой, у Знатока всегда есть свой личный интерес, о котором он не расскажет, а будет лишь таинственно улыбаться и смотреть сквозь тебя. В этом его манера. Он будет вести ненавязчивый отстранённый разговор, а затем, как бы между делом, доложит, что у него есть для тебя кое-какой свиток.

Царский дворец

И вот, мы вошли в храм власти и гордыни. Следы былого величия — это разрушенные статуи царей, обломки которых хрустели под ногами. Мортимер рассказал, что читал в воспоминаниях послов и дипломатов Заратана о том, каким золотом был всегда украшен дворец Твердыни. И как там было холодно. Золото и серый камень не давали тепла. Теперь же тут остался только серый камень. Если что и оставалось после отбытия из столицы последнего царя Моруна, Ерода Третьего, то оно уже давно разграблено. Холодно и пусто, и нет трепета перед этим местом. Здесь вершили судьбы, выносили приговоры. Провидение вынесло свой приговор этому месту, отправив его в забвение.

Я долго ходил вдоль статуй, смотрел на то, что осталось от трона. Это был огромный трон из серого камня. Цари Моруна издревле восседали на таком холодном троне. Он был призван напоминать им о том, над чем они властвуют. Напоминать о том, в каких условиях живёт народ Моруна и с какими трудностями он встречается. Напоминать о стоянке первых людей, о том, как закладывали первые города. Массивные булыжники разбросаны по дворцу. На них восседали Ерод Третий, Ансель, Левен Живой. Ну что ж, всё кончено теперь. Мортимер передал мне свиток, и след его простыл. Я остановился у пьедестала и раскрыл этот свиток, а в нём

— Кричащий бард. Да, тот самый недостающий элемент мозаики моего повествования и моего пути. Я расскажу тебе об этом сказителе позже, а пока просто давай погрузимся в его работу.

Кричащий бард

Двор костей

Последний царь Моруна, Ерод Третий, был стар. Некогда грозный и неодолимый воин дряхлел и угасал прямо на глазах. Зоркий взгляд был утрачен, и на его место пришёл тусклый и затуманенный взор серых пустых глаз из впалых глазниц с гнойными отёками. Величественная статная фигура сменилась сгорбленной, кривой и устрашающей тенью. Грузная парадная позолоченная кольчуга свисала чуть ли не до колен, а корона стала велика, то и дело спадая на лоб. Все элементы былого величия были затёрты, былые победы остались лишь в памяти у немногих выживших очевидцев.

Осунувшийся царь стоял на холме на выходе из городских ворот, окружённый стражей со всех сторон. Он опирался на свой массивный царский посох, покрытый золотом и драгоценными камнями, и тяжело дышал, пустив свой взгляд далеко за горизонт.

Всю свою жизнь Ерод вёл войну за то, чтобы поднять себя выше мира и всех населяющих его. В молодости он безжалостно сражался с внешними «врагами», то и дело объявляя войну соседним царствам. И даже совершил опасное дальнее плавание по неспокойным водам Западного океана,

чтобы атаковать неприступный остров-крепость Саар'Хол. Из каждого сражения Ерод выходил победителем, устраивая пир прямо на полях брани, среди гор трупов поверженных врагов. Но не выиграл ни одной войны. Обстоятельства всегда складывались таким образом, что Ероду приходилось разворачивать свои войска и возвращаться обратно по выжженным им же землям, с таким же выжженным внутренним ощущением пустоты в душе.

Победы не наполняли Ерода. Он становился старше и изощрённее. Он обратил внимание, что законы и порядки в его собственном царстве Морун дают слишком много свобод подданным. А за времена его отсутствия, когда он находился в своих бесславных и кровавых походах, обитатели царства успевали «поднимать свои головы слишком высоко». Так он написал в одном из своих указов. Ерод пришёл к тому, что люди боятся его недостаточно и не уважают власть короны, и всерьёз занялся этим вопросом. Он ввёл указ о еженедельной казни одного подданного Моруна. Жертва выбиралась самим безумным царём Ородом. В его царских покоях всегда лежали стопки выдержек о переписи населения, постоянно свозившиеся с городских ратуш. В определённый день недели он садился за свой царский завтрак и внимательно пролистывал списки, выбирая одного человека. Самая жуткая часть его подхода заключалась в том, что в списках, кроме имён, не было никакого описания. Поэтому выбор царя мог пасть на абсолютно любого обитателя Моруна. Это мог

быть как достопочтенный и уважаемый старец, магистр знаний, так и годовалый ребёнок. Это мог быть узник, приговорённый к казни и оправданный судьями, отпущенный домой. Такой случай реально произошёл и был прозван в народе как «Рок Тарара». Тем самым Ерод навёл на всех обитателей государства нечеловеческий страх и ужас. Но ему показалось это недостаточным, и он дополнительно ввёл следующие указы:

- «Указ об отъёме имущества». Данный указ состоял в том, что городские власти случайным образом каждый месяц выбирали домохозяйство и отнимали некоторую часть в пользу казны. Это мог быть скот, фамильные драгоценности, предметы утвари или запасы продовольствия.

- «Указ о бессрочной службе». Данный указ состоял в том, что городские власти случайным образом каждый месяц выбирали по спискам ребёнка, не достигшего возраста пробуждения юности, и отправляли его в столицу на царский двор, где обучали его черновой работе, и далее он был вынужден служить при дворе до конца дней своих.

- «Указ о праве первой ночи». Данным указом Ерод позволял себе по своему желанию заявиться на любую свадьбу в Моруне и возлежать с невестой раньше жениха. Пользовался этой привилегией он нечасто, но случаи были вопиющие и порой приводили к смерти невесты.

Таким образом, Ерод сковал абсолютно каждого жителя Моруна в тиски страха, даже свою царскую свиту и домо-

чадцев. Царица Мирра, супруга Ерода, находясь в ужасе от окружающей двор жестокости, бросается со стен царского дворца. Буквально на следующий же день Ерод во время пира в честь её кончины, в качестве дополнительного устрашения публики, расставляет листы со своими смертельными списками по столу, залитому вином и кровью от недоготовленного полусырого мяса, и со всей силы бьёт своим кинжалом в случайную точку. Он попадает в строку, где написано имя Элая, его собственного сына и последнего наследника короны. Публика, оцепенев от ужаса, обращает взор на Ерода. Тот, не поменявшись в лице, указывает своим золотым посохом на сына, сидевшего подле него. В тот же день Ерод сам приводит свой безумный приговор в исполнение, разрубив Элая своей массивной секирой напополам на глазах у дворцовой свиты и жителей столицы.

Эта сцена производит абсолютное впечатление на очевидцев и разносится по всему Моруну, как удар молнии. В царстве происходит внутренний надлом, что-то происходит в душах обитателей государства. С тех пор последнее царство так называемых Потерянных земель начинает неумолимо двигаться к своему року. А царь Ерод Третий — к своему. После того переломного вечера Ероду становится неинтересна земная борьба, поскольку он понимает, что поднять свою власть ещё выше он не сможет. Но он ощущает, что всё равно не чувствует наполнения. Все обитатели Моруна, от мала до велика, уже безоговорочно приняли его Власть,

они трепещут перед Царём и ставят его выше своей жизни. Но Ероду недостаточно. Он ощущает, что властен над жизнью, но не властен над смертью. Старение. Безудержное и неумолимое угасание настигает царя, и он приходит к тому, что должен бросить вызов самой смерти и устрашить её так же, как он устрашал всю свою жизнь всех окружающих. Так Ерод снаряжает свой последний поход.

Двор костей представлял собой разветвлённую сеть массивных курганов на западе Моруна. Двором костей это место прозвали как раз в бытность царя Ерода. Когда-то в старину на том месте производили захоронения великих Героев, сыскавших славу среди народа Моруна, сооружая для них величественные памятные склепы, скрепляя их стены могучими защитными заклинаниями. Теперь же это место напоминало долину, в которой обитали прожорливые чудища. Горы человеческих останков, отвратительный запах гниения, распространившийся на всю округу. Черви, личинки, крысы и прочая гадость. Сюда свозили трупы поверженных врагов со всех походов Ерода, а затем и казнённых и погибших жителей самого Моруна. Доподлинно неизвестно, да и невозможно было сосчитать количество тел, оставленных и брошенных попросту без захоронения на каменные плиты склепов. Тела лежали как внутри, так и снаружи курганов, постепенно истлевали и обращались в кости, которые тоже со временем чернели на сыром воздухе западной части царства.

Двор костей был памятником жизни старого и глупого ца-

ря. Глупым его прозвали сразу, как только в народе прошла молва о том, что Ерод снаряжает поход ко Двору костей. Среди народа жила абсолютная вера в своих Героев, которые положили жизнь за то, чтобы жил народ. И несмотря на трепет перед безумным царём, любой обитатель царства уверенно мог сказать, что слава Героев вечна и непосягаема. Когда в народе прознали о намерении Ерода положить конец славной истории Героев через осквернение склепов, ни у кого не было сомнения в том, что этот поход старого царя окажется его последним походом и после того, как он покинет стены города, никто больше не увидит его мрачную искривлённую фигуру в стенах столицы.

И вот он, Ерод Третий, стоит среди своих прислужников за стенами своего города, который он оскорбил и унизил самим фактом своего пребывания на земле. Втаптывая каждую душу в грязь своей грязной и пустой души, он обрёл Власть над настоящим и поднял свою проклятую корону так высоко, как вообще позволительно её поднять одному человеку над другим, но он не обрёл власть над прошлым и будущим. И он ощущал, что прошлое светит слишком ярко. Этот свет его раздражал и вызывал омерзение. Слишком высоко поднялись Герои Моруна, да будут забыты они и прокляты вовек! А будущее своё Ерод видел в том, что он, великий и могущественный царь, самый могущественный и вселяющий ужас и трепет среди всех живущих на земле, станет править и после перехода в другой мир над Двором костей. И курган

его будет самым великим, напоминающим всем и каждому о том, каким был Ерод. И установят там трон из золота, и будет он восседать на этом троне вечно, правя над прошлым, настоящим и будущим, оставляя свою часть в каждом жителе государства, напоминая о трепете и ужасе каждому поколению. Но для этого он должен поднять себя над миром мёртвых и над всеми Героями, став выше них.

Ерод презрительно вздохнул и сплюнул слюну из своего гнилого рта и приказал поднять его на коня, такого же старого и больного, как он сам, и указал своим посохом в сторону курганов. И начался поход. Жители и стражники безучастно наблюдали картину того, как мрачное войско во главе с безумным царём медленно удаляется прочь с осквернённого холма, на котором стоял поруганный город, некогда величественная столица некогда великого и славного царства Морун, которое когда-то называли Цитаделью Севера. Теперь же, населённая пустыми, поникшими тенями, столица скорее напоминала город-призрак. Царь Ерод уходил со своим войском на запад, в закат солнца, а город был тих и пуст, и ни звука, ни огня, ни возгласа, ни одной улыбки и ни плача, ни смеха — только чёрная обветшавшая городская стена и небольшая группа людей, безучастно наблюдавшая за передвижением отряда.

Западная часть Моруна представляла собой дикую местность. Редкие и часто уже нежилые деревушки встречались на пути войска. Воины медленно и грузно маршировали в

такт старому коню царя. Пустые деревни, дикие леса, населённые зверьём — волками, медведями и кабанами, реки, несущие в себе стылые воды. Они двигались медленно и безмолвно, как траурная процессия. Траур по былому величию, скорбь по упадку духа. Так скорбный отряд вышел к долине, на которой простирался Двор костей. Монументальный в своей мерзости, он мгновенно вызвал колоссальное ощущение упадка у всех участников отряда. Лица поникли. Кони остановились и отказались идти дальше. Только старый гнилой конь Ерода, презрительно фыркнув в такт своему презренному всаднику, вскинув голову, медленно пошёл прямо в сторону курганов. Остальное войско, спешившись, устремилось вслед за ним.

Кости, кости, кости. С частями плоти и уже отсыревшие, с бронзовым отливом, все в кучу, повсюду. Запах и атмосфера смерти нависла над отрядом. С каждым шагом дух участников похода падал. Всё держалось на трепете перед царём и его жестокостью. Так, пробираясь прямо по костям и трупам, они достигли центральной части курганов, где перед ними предстали величественные склепы Героев Моруна. Ветхие, но всё ещё впечатляющие, среди груд костей они смотрелись особенно жутко. В воздухе ощущалось что-то неуловимое, что-то характерное только для этого места, какой-то особый дух. Отряд почувствовал, будто в ушах зазвучали фанфары. Звонкая и протяжная героическая мелодия, резко уходящая в сырой замогильный вой. Ерод схватился за уши, а конь

его чуть не встал на дыбы. Остальные отшатнулись от такого резкого звука. Царь в ярости приказал спустить его с коня. Не без труда его спустили. Ерод отпустил руки от ушей — на них были следы крови. Он бросил свирепый взгляд в сторону врат склепа и приказал отворить их. Пришлось толпой навалиться на них, чтобы сдвинуть старинный засов. Врата начали медленно приоткрываться с большим шумом, пыль поднялась с каменного покрытия, бросая в нос частицы костной муки. Склеп открыли, и глазам отряда предстала огромная гробница с ярким факелом, который будто горел над ней сотни лет, не истлевая, каким-то особым белым огнём. Царь указал на ближайшую гору костей и приказал начать заносить кости в склеп. Воины начали неуверенно поднимать останки и закидывать их внутрь. Царь стоял у врат склепа, оперевшись на посох и тяжело вдыхая гнилостный запах останков. Так отряд проделал с двумя соседними склепами, бросая останки рядом с гробницами Героев Моруна и даже закидывая кости на сами гробницы. Факелы погасить не удалось. Один из воинов попытался это сделать, но его одежда моментально вспыхнула. Поэтому их просто бросили на каменный пол склепа. Когда все склепы наполнились мерзостью трудов Ерода, он повелел вынести свой трон и поставить его на середину центральной площадки Двора костей. Повеление было исполнено, после чего старый глупый царь воссел на трон, небрежно развалившись на нём. Он надменно обвёл взглядом результат своего бесчинства и усмехнул-

ся.

И тут внезапно в ушах царя раздался чудовищный вой, от чего его пустые серые глаза заискрились, а изо рта брызнула пена. Он резко вскочил, всполошившись. Окружающие изумлённо смотрели на Ерода. Белый огонь факелов начал медленно распространяться по полу, покрывая тела и скелеты. Он оставался на останках и начинал светить всё ярче. Войско с ужасом наблюдало за тем, как мёртвенно-белый свет факела покрывал все тела и начинал постепенно их преобразовывать. Тела начали подёргиваться, кости срастаться и соединяться. Жуткая картина — горы останков обращались и поднимались. Так, спустя небольшое время, напротив царя и его войска встало второе войско. Войско из гнилой плоти и костей. Войско из униженных и оскорблённых костей врагов короны. Войско побеждённых, вооружённое ржавым отсыревшим оружием, мечами, ножами, топорами. Царь побледнел ещё сильнее и выхватил болезненным движением свою секиру из рук оруженосца. Ту самую секиру, которой он разрубил когда-то напополам своего сына. По Двору костей раздался утробный гул, и мертвецы бросились на живых. Схватка была ожесточённая, воины Ерода были сильнее, но они были устрашены и деморализованы. Один Ерод поднимал их, заставляя их бояться его самого даже больше, чем наступающие полчища. Так они отбились, не без потерь, от натиска мертвецов. Ерод, запыхавшийся от взмахов своей массивной секиры, поставил древко в тело по-

верженного воина из его отряда и прорычал в пустоту склепа.

Из склепа моментально донёсся ответный рык. Крышка гробницы сдвинулась, и из неё начал выбираться светящийся мёртвенно-белым светом предок. Когда он поднялся в своём сиянии, все узрели его громадный рост. Он посмотрел своими светящимися глазницами на мерзкий отряд, стоявший напротив него, и поднял вверх левую руку, представляющую собой кость без плоти, и сжал ладонь в кулак. Резкий порыв ветра подул, поднимая с пола костную массу. Предок же стал обрастать останками поверженных дважды мертвецов. Войско Ерода с ужасом и обомлением наблюдало за формированием чудовищного костяного голема, состоящего из всей массы останков, разбросанных по склепу. Когда костный туман полностью рассеялся, лицам отряда предстала ужасающая картина: костяной исполин в окружении полчищ мертвецов. Все останки, все горы костей были подняты от неспокойного сна. Ерод был окружён. Он огляделся и посмотрел в глаза исполина, процедив сквозь зубы:

— Ты… отродье!

После чего исполин резко сорвался с места и бросился на старого глупого царя, начав терзать его серую скудную плоть. Брызги крови и гноя разлетались вокруг с кусками плоти. Ерод истошно вопил от боли и бессильного гнева. Голем растерзал тело Ерода и выплюнул его на грязный от личинок и червей каменный парапет. Царь упал, перекатившись. Ниж-

няя часть тела его оторвалась от верхней, корона отлетела в грязь. Он лежал в своих внутренностях и крови с обнажившейся лысиной, теряя остатки крови. Мертвецы загнали отряд воинов царя в центр Двора, к трону, и зажгли факелы вокруг круговой площадки. Раздался похоронный гул горна, и центральный помост вдруг резко рухнул под землю в бездну зияющей чёрноты. Ерод издал свой последний захлёбывающийся крик и исчез в тёмной пустоте под стенами склепа.

Так мерзко и бесславно окончилась жизнь последнего царя Моруна.

Эпитафия царю

И вот наконец твой крик захлебнулся,
Ты сплёвываешь густую кровь.
В своих внутренностях ты не застал свою душу,
Она разорвана и плачет,
Пока ты в последнем припадке бешенства падаешь в пустоту.
Не беспокойся! Твой сын не пойдёт по твоим стопам.
Он не построит для народа новые клетки
И не введёт ни одного безумного закона.
Он лежит, погребённый под мириадами твоих грехов.
А тебе остаётся только лежать посреди памятника твоему уродству
И подложить там свою нечестивую корону
И кричать в бессилии!
К кому воззываешь ты?
А конь продолжает плестись, несмотря ни на что.
Он идёт по костям и по крови твоих ничтожных побед.
Но ты думаешь о другом —
Как подняться выше смерти, несчастный глупец!
А под лунным светом расцветает кладбище гнили —
В этом вся твоя победа и здесь твоё место!
Не беспокойся! Твой вклад запомнят!
Но могилу твою не найдут!

И ты лежишь сегодня один на каменном парапете!
Один, как и всегда!
Так что кричи в бессилии!
К кому воззываешь ты?
А на следующий день всё будет по-другому,
И твой конь обглодает последнюю косточку,
А потом ляжет кверху копытами и сдохнет,
И ты сможешь успокоиться наконец.
И кто теперь скажет, что этот убогий мир, который ты оставил,
Порадуется твоему уходу?
Пускай кричат и стенают! Пускай возопят
О том, что великий царь Ерод, уничтоживший любовь, свет и радость,
Убивший собственного сына
И распявший сам себя на фоне мерзкого Двора костей,
Успокоен! А ты, смотрящий сквозь века, не беспокойся!
Береги свою душу и помни о царе!
Ищи его в себе!

Кричащий бард — совесть поколения. Так говорили. До нас дошла его гневная эпитафия царю Ероду Третьему, в которую он вложил всю силу народного негодования. Так он вонзил сотню кинжалов ненависти в царский облик, указав подлинное место короны.

Что было после? Мы знаем — ничего. После смерти ца-

ря никто не решился принять царствование на себя. А народ не решился взять судьбу в свои руки. За сим имеем то, что имеем. Силы и ёмкости душ страдающих и небезразличных к судьбе мира не хватило в те роковые годы, чтобы повернуть ход истории. Наша же доля в том, чтобы услышать их, принять, оправдать прошлое и подняться в милосердии и добром объединении, чтобы построить образ будущего, в котором не будет места распаду.

Записки Анселя

Также спешу поделиться с тобой несколькими записками, которые я очень надеялся раздобыть в стенах замка. Несмотря на их великую древность, ведь жил первый царь Ансель за восемьсот лет до нашего времени, в древнейшую эпоху первых царей, ввиду отсутствия ценности истории на чёрном рынке мало кому они оказались интересны. Царские архивы обчищены давным-давно, и все самые ценные рукописи и фолианты украдены и распроданы по контрабанде в Марийском Оплоте и, вероятно, перевезены в Заратан и далее на юг. Записки Анселя же оказались никому неинтересны. Мало кто и знает об этом царе сейчас. К сожалению, люди помнили только о страхе. Каждый наслышан о Ероде Первом и Ероде Третьем. Кто же такой царь Ансель, градостроитель и мыслитель былых веков?

Об отдаче

Всякий, кто думает, что получает, — страдает.
Всякий, кто думает, что отдаёт, — лжёт себе.
Всякий отдаёт, но думает, что получает.

Весна

Весной я просыпаюсь вместе с травой и птицами, и сердце открывается. Работа в сердце — это тяжкая доля. Как можно делать, выполнять то, что нет мочи?

Дети

Наблюдал за крестьянской детворой. Один миг для ребёнка — как целая жизнь. Он всегда находится только в нём. Так мог ли я повлиять на своё прошлое?

О весе короны

Корона должна быть тяжела, весом с камень, коим уложены стены замка. Пусть давит на голову, не давая оторваться от земли. И будем ходить вместе с народом теми же ногами и смотреть будем под ноги.

Птицы

Сегодня я вижу птицу и знаю, что будет со мной и с государством завтра. Как только садится она на ветку, я подмечаю. И всякий люд знает, что будет в Моруне. Да здравствует славный народ Моруна!

Комментарий: действительно, историки и хроники говорят о том, что в древности народ Моруна был настолько слит с природой, что по поведению птиц и животных они могли предсказывать погоду. Особо проницательные читали мир, как открытую книгу, и было это доступно многим и не считалось чем-то удивительным.

Моему сыну

Не окажись отдающим поневоле, ведь нет страдания больше этого. Отдавай всего себя служению в радости и благодарности. И обретёшь честь и всевозможные почести за свой труд.

Комментарий: вероятно, записка предназначалась царю Торвальду, старшему сыну царя Анселя.

О страхе

Хоть и чувствую я, что должен. Но чувствую и знаю, что будет. Страх один. Потерять связь.

Память

Пришёл тот день, сгинул последний царь Моруна, Ерод Третий, и вместе с ним в пучину безвестности ушло последнее великое царство Потерянных земель, после чего Потерянные земли обрели своё настоящее имя. И спросишь ты, читатель, зачем же сказители и барды Срединного времени так подробно описывали, так воспевали те тёмные времена, почему так много подлинных источников дошло до нас, неблагодарных потомков? Почему бы не рассказать о добром, почему бы не воспеть богов? К чему эта скорбная песнь, что протяжно и пронизывающе воззывает к нам из глубины веков? И есть мысль у меня, и да будет достаточно понимающему. Любовь. Во всяком действии заложена великая любовь и воспевание богов. Ибо нет у нас других богов, кроме тех, что поспособствовали тем событиям, что разворачивались долгие столетия на северо-западных рубежах материка. Барды и сказители с большой любовью и трепетом предупреждают нас, дабы уберечь наши сердца от проникновения скверны. Да будут имена их сиять в вечности. А мы, неблагодарные и глупые потомки, должны скорбеть вместе с ними и учить уроки прошлого. И мы должны учить и знать историю Потерянных земель, пока нашим землям не присвоено подобное имя.

Миралей Книжник

В контексте разговора о грехах Ерода Третьего я не могу не привести здесь отрывок из трудов глубоко уважаемого мною Миралея. Отрывок посвящён неукротимому острову Саар'Хол. История о нём перекликается с историей самого Ерода и будет поучительна и полезна.

Остров-крепость

Тарвани — загадочный древний народ, чьи ладьи и галеры бороздили бескрайние воды Западного океана задолго до появления первых материковых государств. Предания гласят, что тарвани родились из прилива и сгинули в приливе, оставив после себя несколько фортификационных укреплений на островах в десяти-двенадцати днях пути от материка. Саар был последним из сохранившихся поселений. Остальные острова забрал океан. «Саар» на языке древних тарвани означает «крепость». Так материковые народы и прозвали Саар — «остров-крепость». Когда мореплаватели Кальдена впервые достигли берегов Саара, он представлял собой пустой каменистый остров с отсыревшими от дождей и штормов деревянными сооружениями. Судя по всему, в древнейшие времена тарвани задействовали всю древесину острова для возведения жилых построек, частокола и строительства кораблей.

Спустя время остров постепенно начал обретать второе рождение. Его начали заселять жители Кальдена, которым по какой-либо причине не нашлось места на материке: беднейшие слои населения — сироты, бывшие узники, вдовы. Они отправлялись в Саар, чтобы начать новую главу своей жизни и чтобы никогда больше не возвращаться обратно. Так постепенно на острове начали появляться сооружения

из камня. И вот однажды влиятельный герцог Кальдена Хол Тон, попавший в опалу и отбывший длительное заточение в Рентийском остроге, решил переехать на остров, собрав все свои оставшиеся на материке ресурсы. Так остров преображается до неузнаваемости: резко увеличивается население, появляется каменный форт по всему периметру, завозятся в большом количестве орудия труда и специалисты-ремесленники, которые проектируют и реализуют систему сбора и хранения дождевой воды, а также систему доков внутри крепости, в которых круглый год можно с большой эффективностью заниматься выловом рыбы. У острова даже появляется свой небольшой флот и «армия». Остров Саар, таким образом, переименовывается в Саар'Хол — «крепость Хола», а бывший герцог Кальдена Хол Тон провозглашает себя правителем острова.

Хол Тон был крайне свободолюбивым человеком, по причине чего и не снискал расположения при дворе. В своих землевладениях он всегда устанавливал свободные порядки: давал послабления подданным при сборе налогов, позволял самостоятельно выбирать главу управы. Ещё говорили, что сам герцог имеет трёх жён, что было недопустимо в Кальдене. Эти же порядки герцог перенёс на остров. Он устроил народный собор, на котором провозгласил, что остров-крепость Саар'Хол отныне является полностью независимым городом-государством, в котором не будет власти, и объявил вечную войну Кальдену. Так Саар'Хол стал значимой точкой

на карте. Все торговые морские маршруты Западного океана пролегали через остров-крепость. Торговые суда везли с юга ткани и обменивали их на соль, учёные-путешественники и алхимики оставляли на острове инвентарь и реагенты в обмен на запасы сушёной и вяленой рыбы и пресную воду — в дальних плаваниях по Западному океану всегда не хватало съестных припасов. За счёт реагентов местные умельцы изготовляли искусные средства для защиты острова от посягательств. Эти зажигательные смеси позволяли не бояться флотов неприятеля — ни один корабль не рискнул бы подплыть к стенам Саар'Хола, иначе рисковал остаться один на один со штормовыми водами и мощными подводными течениями. Второй линией обороны острова служил отряд саар'хольских пращников. Говорили, что годы, проведённые среди соли и камня, так тренировали силу и выносливость, что пращники могли легко попасть снарядом точно на сотню локтей, ломая кости и разбивая черепа. Кальден предпринимал несколько попыток штурма острова, но они были безуспешны. Войскам всегда приходилось отступать с потерями. А остров-крепость спокойно мог пережить долгую осаду, так как стоял на полном самообеспечении. Стоит также отметить, что долгая осада острова была попросту невозможна из-за постоянной непогоды в Западном океане. Шторма вокруг Саар'Хола бушевали добрую половину года, поэтому попросту опасно было останавливаться вблизи каменных берегов. Так, волей-неволей, Кальдену пришлось

признать независимость острова.

Герцог ушёл на покой бездетным, и власть на Саар'Холе полностью перешла в народ. И поначалу на острове всё шло гладко. Торговля шла, припасов было в достатке, в народе росла гордость — как, они смогли отстоять свой клочок земли, материковые государства с ними считаются, Саар'Хол — настоящая неприступная стена и нет никого, кто мог бы посягнуть на их свободу. И эти зёрна гордости были щедро удобрены богами. Наступил особый ненастный год, который в народе прозвали Годом Штормов. В этот год люди забыли, как выглядит солнце. Небо было чёрное круглые сутки, бушевали лютые северные ветра, шли ливни, страшной высоты волны разбивались о каменные берега, захлёстывая холодную морскую воду за стены форта. Конечно, пришлось надолго забыть о торговле. Жители Саар'Хола оказались замкнуты на территории своего острова-крепости практически на целый год без всякого контакта с внешним миром. И всё бы ничего, ведь и до этого островитяне обходились своими силами. Но… зёрна гордости были заложены, и взошли ростки.

Когда шторма рассеялись и раскрылось солнце, народ Саар'Хола этого не заметил. А когда к острову причалило первое торговое судно, оно оказалось разорено и уничтожено. Так островитяне раскрыли в себе новые свойства — оказывается, необязательно что-то отдавать, если можно забрать всё и не получить наказания. Так, после нескольких жесто-

ких разорений проплывающих мимо судов Саар'Хол пропадает с торговых маршрутов, а затем и близлежащие воды становятся пустыми. Остров-крепость обходят по длинной дуге ради безопасности товаров. Саар'хольцы же снаряжают свой флот для пиратских набегов. Тем временем последний царь Моруна, Ерод Третий, властный и безумный в своих амбициях поднять свою корону выше мира, отправляется на Саар'Хол в своём знаменитом и бесславном походе. Он приплывает к стенам острова-крепости с огромным флотом и полностью уничтожает флот островитян, после чего устраивает самую долгую осаду острова в истории. Осада эта длится месяц, за время которого войска Ерода несколько раз безуспешно пытаются штурмовать форт. Очередной начавшийся шторм заставляет Ерода развернуть свои корабли. Напоследок Ерод презрительно обращается к народу Саар'Хола пророческими словами:

— Вы уже погубили сами себя.

Вероятно, царь Ерод Третий увидел в жителях острова то, что видел в себе. Но сами же жители Саар'Хола были слепы, и они ликовали — ещё один царь ничего не смог противопоставить храброму и гордому народу!

После победы над Ородом островитяне обнаруживают себя в новом состоянии. Никто больше не готов посягнуть на их город-государство, и теперь они абсолютно одни в страшном штормовом океане, без судов и без всякой связи с кем бы то ни было. И выросли деревья гордости, и город стоит в

их тени, и тень эта заслоняет солнце сильнее штормов. Люди ощутили, что тот ресурс, который скреплял их между собой последние годы, иссяк, и теперь нет причин для добрых отношений между ними. Мир теперь не противостоит им, и теперь враг — внутри каменных стен, а не снаружи. Они вдруг увидели своих добрых соседей в совершенно ином, нелицеприятном свете. Приветливые, трудолюбивые, испещрённые морской солью лица обратились в мрачные, высокомерные и сухие маски. Глаза, а следом и рассудок жителей острова помутнели. Общность сменилась ненавистью, остров стал клеткой.

Сначала были убиты все старики. Тёмными, ветреными ночами стариков вытаскивали из постелей, резали глотки и бросали со стен форта. Затем пришла очередь женщин и детей. Женщин насиловали, а детей топили в доках. А после — оставшиеся мужчины сражались на смерть друг с другом, тренируясь на меткость из пращи и сжигая соперника смесями. Так Саар'Хол, некогда неприступная крепость и живая, свободная частичка мира, активно взаимодействующая, служащая каналом передачи даров океана для мореплавателей, учёных и торговцев, огрубела, очерствела и сгинула, оставшись стоять при этом… абсолютно неприступная и по сей день. Только никто больше не стремится её приступить.

Я, Миралей Книжник, архивариус и систематизатор хроник при дворе Нимеи, на основе проведённого мною анализа хроник Саар'Хола и на основе вопросов, которые мне зада-

вали читатели и прочие любопытствующие, спешу поделиться своими выводами.

Вопрос: Почему произошло падение Саар'Хола?

Ответ: Из-за отсутствия благодарности богам. Островитяне получили возможность начать новую жизнь, получили неприступную крепость и защиту от природы. Это не они отбивали набеги врагов, это делал океан! Им следовало благодарить богов за каждый миг свободной жизни.

Вопрос: Почему так помутнился рассудок жителей Саар'Хола в Год Штормов?

Ответ: Наши помыслы продиктованы нашим же окружением. Когда все вокруг только и говорят, что о славных победах, и восхваляют друг друга, это неизбежно приведёт к большой гордыне. А, как известно, излишне горделивые далеки от других, как восток от запада!

Вопрос: Откуда мы можем узнать о последних днях Саар'Хола?

Ответ: Я анализировал летопись острова, которая велась вплоть до конца существования островного народа. Сия летопись была найдена во время последней экспедиции по водам Западного океана Нимейским обществом путешественников.

Вопрос: Зачем Ерод пошёл войной на остров-крепость?

Ответ: Саар'Хол осуществил то, о чём мечтал сам Ерод.

Гнилостная река

Гнилостная река имеет свой исток в районе, где как раз располагался Двор костей. Постепенно, под воздействием дождей и естественного процесса разложения, грунт в тех местах проседал, попадал в подземные источники, попадал в реку и разносился по региону. В один день жители прибрежной деревушки обнаружили в реке, которую использовали как источник питьевой воды, множество останков полуразложившихся павших воинов и лошадей. Так эта река получила своё имя. С тех пор она пользовалась дурной славой, а местные жители постепенно начали перемещаться подальше от берега, закладывая редкие поселения на лесных опушках. Там, покуда дикая природа им позволяла, они вели практически дикий первобытный образ жизни, занимаясь охотой и собирательством. Сейчас уже не найти следов поселений ни у берегов реки, ни в глубине лесов. Местность эта пустует от людей, а дикая природа здесь цветёт, хоть и чувствуется и на ней налёт скверны, ведь глубоко в землю ушли пороки и боль людская. Гнилостная река — точно не та река, о которой идёт речь в стихотворном послании. Течение её тихое, тяжёлое. Но именно по этой отмершей артерии я смогу добраться до своей цели.

И вот я любуюсь заходом солнца за поздней походной трапезой у берега реки. В закатном свете она приобретает кро-

вавые оттенки, напоминая о своём прошлом. И вот я любуюсь красотами вокруг и задумываюсь. В Моруне всегда говорили о том, что боги злы. И даже есть история-легенда про женщину, которая постоянно спорила с богами. Кажется, уместным будет поведать её тебе, дорогой друг.

Ната-собака

Ната была женщиной, которую соседи всегда видели за молитвой и поклонением богам. Жители Моруна уже тогда подзабыли богов и не относились серьёзно к алтарям и ритуалам. За сим считали соседи Нату сумасбродной и посмеивались над ней. Но она, несмотря на это, каждый день обращалась к богам. Если лето было холодным и посевы не всходили — она молилась за дожди. Если из центра приходили с новыми налогами, она молилась за то, чтобы их дом обошли стороной. Когда сын уходил на военную службу, она молилась за его возвращение. Так она каждый день прибегала к своему алтарю, но результата своих усилий не видела. Дожди могли пойти, а могли и не пойти. Бывало, что сборщики податей заглядывали в их дом в первую очередь и обирали до нитки. Как относилась к этому Ната? Она была зла. И спорила с богами. Порой её молитва превращалась в спор, порой — в требование: «Дайте мне лучшую долю», — буквально взывала она.

Так она жила в постоянном споре и непонимании. Почему боги не отвечают на молитвы? Почему соседи, которые плевать хотели на богов, живут лучше? Продолжалось это вплоть до рокового дня, когда сын Наты слёг с тяжёлой хворью. Он не мог подняться с постели, ничего не ел и не пил, и так продолжалось несколько недель. Он исхудал, и по всему

виду казалось, что осталось ему совсем недолго. Это событие привело Нату в ярость. Она разрушила алтари и испортила все подношения. И прокричала в пустоту: «Будьте вы прокляты!»

И, как ни странно, боги вступили в контакт с Натой.

— Кто ты, что проклинаешь, и о чём просишь ты? — спросили боги.

— Я Ната, мать Сфая. Болен мой сын, и проклинаю за то, что не отвечаете вы на молитвы мои. А прошу я за сына моего, — ответила Ната.

— Всегда отвечаем на молитвы мы, — сказали боги.

— Но я же просила… — прошептала Ната.

— Когда сын твой по юности лет просил накормить его волчьими ягодами, как поступила ты? — спросили боги.

— Не позволила ему их трогать, — сказала Ната.

— И молитвы твои всегда о себе, — ответили боги.

— Но просила я за сына! — воскликнула она.

— Почему не возносила ты молитвы в благодарности за всех сыновей Моруна? — спросили боги.

— … — Ната не нашлась, что ответить.

— Какую цену имеет твоё обращение без любви к творениям, которые созданы нами, и к путям, которые прописаны нами, и что ты можешь просить без настоящей любви? — произнесли боги.

Когда пришла Ната в себя, она посмотрела на место, где был алтарь, и увидела духа злого. Он хохотал и плясал вокруг

разбитого святилища.

— Ната-собака! Она только лает и гавкает: «Дай! Дай! Дай!» — кричал дух.

Ната стояла, обомлевшая, обмякшая, наблюдала за тем, как призванный ею дух кружил в безумном танце, оскверняя землю и принижая богов:

— Дай! Дай! Дай!

Ната упала без чувств на сырую землю.

Когда она пришла в чувства, то обнаружила себя на кушетке, а сын сидел подле неё. Он выглядел здоровым и обеспокоенным. Он спросил, всё ли с ней в порядке и что с ней приключилось. Женщина же расплакалась в благодарности и трепете. После того случая она убралась во дворе, собрала остатки алтаря и больше никогда не замечали её местные жители за молитвой и просьбой к богам, и жила Ната в спокойствии и здравии.

Много злых усмешек в народе ходило вокруг этой легенды. Слышал такой тезис, мол, зачем богам общаться с какой-то глупой простушкой, да ещё и таким низким языком? Большое сожаление, что не понято было сказание этими скептиками. А на каком же языке должны общаться боги с простой женщиной? И почему не должны они отвечать бесценному творению, которое создали? С каждым боги общаются на том языке, который он понимает: с простым — просто, со сложным — сложно, с грубияном — грубо, а с чувствительным — деликатно. Мортимер очень любит эту

историю и при случае рассказывает её новым знакомым, добавляя, что боги действительно отвечают всегда, только надо понимать, что они дают не то, что ты хочешь, а лишь то, что тебе действительно нужно. Порой человек и сам не знает, что ему нужно, а ведёт себя, как незрелый ребёнок, и лишь вопит: «Дай, дай, дай»…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.